

Людмила Дымерская-Цигельман

Советские корни современного антисемитизма

«[Еврейский вопрос], ... конечно, не есть единственная проблема нашего времени, но ... может считаться пробным камнем зрелости нашей цивилизации и ее желания служить Добру»

Томас Манн

1. Мессианство и антисемитизм

В своем докладе на Международном Форуме по борьбе с антисемитизмом (Иерусалим, 29 - 30 июля 2003) депутат канадского парламента профессор Ирвин Котлер перечислил 13 аспектов современного антисемитизма. Он говорил об идеологических, политических, социальных, психологических и эмоциональных особенностях этого многоликого феномена. Я ограничусь здесь лишь одним его аспектом – доктринальным, идеологическим. Речь пойдет не об антисемитизме вообще, а об антисемитизме идеологическом. Почему именно о нем? Потому что существовали и продолжают существовать идеологии, которые обосновывали и, более того, освящали, то есть объявляли священным делом избавление человечества от евреев, представляя их воплощением мирового Зла. Идеологии эти подчас становились руководством к действиям, достигавшим ужасающих масштабов, - прежде всего в тоталитарных государствах, отличительной особенностью которых является всепроникающее господство идеологий и потому называемых идеократиями.

К такого рода идеологиям однозначно относят нацизм и - далеко не всегда и с большими оговорками - советизм. Нынче эти идеологии, пережив свои идеократии, продолжают существовать, причем не только в виде различных модификаций неонацизма и постсоветизма - они также *обновляются*, проходят своего рода реинкарнацию (и это в первую очередь относится к идеологии советского нацифицированного антисиионизма) в контекстах исламизма (политизированных модификаций ислама), а также в антиизраилизме леволиберальных кругов на Западе. И это позволяет поставить сразу два вопроса: во-первых, что общего между нацизмом, который реализовал Катастрофу, и советизмом, на кровавом счету которого *в точности* такого преступления нет? И, во-вторых, что общего у них

обоих с исламизмом, точнее, с панисламизмом? Сегодня, как никогда, важно выявить собственные культурно-исторические корни нацизма и советизма, во многом определяющие их убийственные потенции. Но не менее существенно уяснить также, что общего в этих идеологиях – хотя бы потому, что именно это общее обеспечивает их преемственную связь с новыми, сегодняшними идеологиями, подвигающими на новые кровавые мистерии, которыми уже ознаменовалось начало XXI-го века.

Что же объединяет все эти идеологические конструкты? Их объединяет типологическое родство - все они принадлежат к одной и той же разновидности *мессианских* идеологий, отличающихся *агрессивным дуализмом*. Всякая идеология – это одновременно телеология, поскольку она формулирует цели – группы ли, общественной или социальной страты, этноса, нации и др. Но когда в идеологии речь идет о *глобальных* целях, о всечеловеческом благе, об *очищении и спасении* всего человечества от *вселенского зла* - это верный признак того, что перед нами мессианская идеология. Такими были и нацизм, и советизм, такой сегодня является идеология исламизма, призывающая ради установления праведной жизни на земле уничтожить (или подчинить и перестроить «на правильный лад») мир всех «*неверных*».

Во всех мессианских идеологиях такого рода можно выделить общие отличительные особенности:

1. В каждой из них цели формулируются как миссия по глобальному и тотальному переустройству мира.

2. В каждой из них присутствует самозванный (персонифицированный или коллективный) мессия, берущий на себя роль пророка, разъясняющего, в чем состоит миссия его самого и его адептов. Люди, узурпирующие эту мессианскую роль, стремятся к созданию тоталитарных иерархических систем (в случае захвата власти превращающихся в государственные системы) с четким разделением на «*своих*» и «*чужих*» (по воле диктатора они могут меняться местами, что порождает постоянно действующий страх в подвластном ему обществе). При этом различные группы «*своих*» образуют своеобразную иерархию, венчаемую фигурой мессии (важнейшие такие группы: «*посвященные*», или «*эзотерики*», т.е. разработчики конкретной мессианской идеологии; «*экзотерики*» – люди, трансформирующие «*учение*» в пропаганду; «*стратеги*» - разработчики программ и проектов, исполнители-аппаратчики, боевики и шире - народ, класс, раса, паства). Этой иерархии «*своих*» соответствует сочиняемая по ее подобию антиподная иерархия «*чужих*», пирамиду которых венчает обязательная в любой мессианской идеологии фигура антимессии - «*врага*».

3. Все мессианские идеологии освящают массовый террор как оправданное высокой целью средство ее достижения. Возникающие на их основе тоталитарные системы управления соединяют воедино идеологию с террором.

4. Все три рассматриваемые идеологии - идеологии дуалистические, манихейские – они абсолютизируют и увековечивают непримиримую борьбу Добра со Злом, которые представляются как самостоятельные, противостоящие один другому начала. Зло воплощается во «враге», который предстает как антипод благоносного мессии, как равносильный его антагонист. Так, в христианстве Добро было воплощено в Христе, а Зло – в Антихристе-антимессии. Антагонист таким образом становился зеркально перевернутым отражением мессии. В течение многих веков таким антагонистом считались евреи. Псевдо-религиозные мессианские идеологии добавили к антииудаизму христианства биологическую, расистскую, националистическую и политическую аргументацию. Различные ипостаси того или иного мессии и особенности его благостной миссии определяют те или иные особенности негативизации Еврея, приписываемых ему злоумышлений, а также способы его “обезвреживания”, сводимые к разным формам дискриминации и насилия - от погромов до Катастрофы. Иными словами, конкретное содержание той или иной антисемитской доктрины и потенции ее убийственной силы определяются специфическим содержанием той мессианской идеологии, в контексте которой эта доктрина формируется.

Так, в нацизме, объявившем своей “гигиенической” миссией очищение арийской расы, а под ее господством - наведение порядка во всем остальном человечестве, Еврей вообще выводится за пределы человеческого рода, ставится ниже его (Untermensch). В то же время мессия во всех своих ипостасях (фюрер, его партия, немецкий народ, арийская раса) оказывается, напротив, “сверхчеловеком” (Übermensch). Священная миссия “сверхчеловека” состоит в постижении необходимости и в реализации тотального истребления поставленных ниже рода человеческого “болезнетворных” евреев - истребления столь же правомерного, как уничтожение туберкулезных палочек, чумных бактерий, паразитических животных - крыс и т. п., в образе которых были представлены евреи во множестве нацистских текстов, как вербальных, так и визуальных. Эта аргументация считается расистской, но она превосходит ее, ибо в расистских доктринах деление на расы производится *внутри* рода человеческого. Евреи же выводятся за его пределы, и именно это определяет ту убийственную силу, которая отличает нацистский *биолого – гигиенический* антисемитизм.

Советская идеология на стадии стагнации СССР (70-е годы, “застой”) заимствует из нацизма ряд его антисемитских идей, но адаптирует их к своей мессианской доктрине, в которой и сам мессия и его миссия радикально отличаются от нацистских прежде всего своим гуманистическим камуфляжем. Советский доктринальный антисемитизм формировался в 30-е годы как интегральная часть идеологии русско-коммунистического мессианства, провозглашавшей миссией русско-коммунистического мессии создание нового мира, где будет “все для человека и во имя человека”. На протяжении советской истории эта идеология пре-

терпела ряд изменений - менялись ипостаси мессии и содержание его миссии и в соответствии с этим менялись образ и концепция антипода. С конца 40-х годов эта роль уже явным образом предназначалась Еврею, который по мере изменения миссии мессии последовательно и параллельно обретал облики «антипатриота», «безродного космополита», «убийцы в белом халате», «агента англо-американского империализма и сионизма», и, наконец, сиониста-«фашиста под голубой звездой», на службе которого состояли империализм и все остальные силы вселенского зла. Именно антисиионизм образца 70-х годов, включивший в свою аргументацию ряд нацистских идей, явил собой новый - «гибридный» - вид доктринального антисемитизма, обновляемого сейчас в мессианской идеологии панисламизма. Еще одна реинкарнация камуфляжно-гуманистического советского антисиионизма осуществляется сегодня в эпигонском антиизраилизме леволиберального Запада. Но об этом позже. Сейчас же еще раз подчеркну, что доктринальный антисемитизм существует не сам по себе, а формируется и изменяется как интегральная часть мессианских агрессивных-дуалистических идеологий.

5. Дуалистичность, манихейство определяет еще одну особенность мессианских идеологий - их эсхатологический милитаризм. Провозглашается «священная» война, которая, как всякая религиозная война, не может завершиться компромиссом. Поэтому адепты мессии призываются на последний решающий бой с «врагом рода человеческого». Создается культ жертвенной смерти во имя исполнения этой высокой миссии.

6. Мессианские идеологии (даже при их апелляции к науке) представляют собой основанные на вере и фанатизме псевдо-религиозные образования. Мессия и все, что относится к его миссии, освящаются с помощью специально создаваемых культов, обрядов и ритуалов. В соответствии с той или иной «святостью» осуществляется демонизация антипода мессии.

7. Для мессианских этноэатических идеологий характерно создание мифологизированных, своего рода «священных» историй. Например, нацистская и нацифицированные (вроде русского «неоарийства») идеологии включают в свои «священные» истории мифы о древней языческой предыстории мессианского народа. В соответствии с этой «священной» историей корректируется и история злодеяний антипода.

8. Еще одна важнейшая особенность мессианских идеологий - их неуничтожимость. Они так же неуничтожимы, как неуничтожимы освящаемые ими тоталитарные формы правления, в генезисе и функционировании которых им принадлежит решающая роль. Ханна Арендт предупреждала: «...как возможность и как постоянная опасность они (тоталитаризмы) останутся с нами навсегда...» Об этой же опасности предупреждает своими фильмами один из самых концептуальных мастеров современного кино Александр Сокуров. Свои историко-философские ленты о Гитлере и Ленине («Молох» и «Телец») он резюмирует словами:

« Сталинизм, большевизм с нами навсегда, как навсегда нацизм: эти болезни, раз родившись, не умирают. Их можно только локализовать.»

Практика показывает, что вот это как раз мало вероятно. Эти идеологии в движении, они взаимопроникают, взаимодействуют, претерпевают реинкарнации. При этом можно согласиться с тем, что каждая из них в свое время, становилась очередным эпицентром доктринального антисемитизма - нацизм в первую половину, а советизм во вторую половину прошлого века. В последние десятилетия на наших глазах формируется уже третий, нынешний концептуальный эпицентр современного доктринального антисемитизма - панисламизм, обновляющий применительно к своим целям - насильственного преобразования мира - весь арсенал европейского донацистского и русского досоветского (“Протоколы сионских мудрецов”, кровавые наветы и т. п.) антисемитизма, а также арсеналы антисемитизма нацистского и советского. Особо востребованным (хотя это обстоятельство остается в тени) оказался советский нацифицированный антисемитизм, под прикрытием и в облики антисиионизма проникший в религиозную и светскую идеологию разных народов и стран, прежде всего арабо-мусульманских, а также и западных. Будучи сам “гибридной” доктриной, этот советский нацифицированный антисемитизм, в свою очередь, становится интегральной частью новых “гибридных” антисемитских образований. Это заставляет пристальнее присмотреться к нему, его генезису и трансформациям.

2. Советский доктринальный антисемитизм: генезис и трансформации¹

Советский антисемитизм, подобно всякому доктринальному антисемитизму, существует не сам по себе, а является интегральной частью более общей, претендующей на универсальность идеологии - идеологии русско-имперского коммунистического мессианства, которую можно также назвать идеологией советизма, а по имени ее создателя - сталинизмом. Эту идеологию, воспроизводящую на новой исторической основе версии всемирно-исторической освободительной миссии России, Сталин возводит в ранг государственной в начале 1936 года. Однако формироваться она начала значительно раньше: первая заявка была сделана еще Лениным, провозгласившем победу пролетарской революции в одной отдельно

---

¹ Эта глава представляет собой расширенную и дополненную версию доклада (Die Doktrin des Stalinschen Antisemitismus. Zur Entstehungsgeschichte), прочитанного на конференции в Германии в 1998 г. См.: Der Spätstalinismus und die ‘jüdische Frage’. Zur antisemitischen Wendung im Kommunismus. Herausgegeben von Leonid Luks. Köln Weimar Wien. 1998.

взятой стране. Сталин, заявив о возможности победы социализма в СССР (конец 1924 года), а затем организовав триумфальную констатацию этой победы (17-й съезд - “съезд победителей”, 1934 г.), существенно укрепил идею особой исторической миссии России. Объявив революцию величайшим достижением русского народа, возглавившего теперь мировой революционный процесс, Сталин тем самым опровергал получившую огромное распространение версию о большевистской революции как революции «жидокоммунистической», инициированной евреями в целях завоевания мирового господства. Версия эта, подкрепленная участием евреев в партийном руководстве, оказалась весьма живучей благодаря популярности “Протоколов сионских мудрецов”, переизданных на многих языках во многих странах. Переведенные на немецкий язык в 1923 году «Протоколы» стали основой нацистской версии «жидокоммунизма», использованной Гитлером для обоснования его экспансионистской стратегии. Никогда не входя в прямую полемику с адептами “Протоколов” и, более того, фактически препятствуя какому бы то ни было упоминанию о них,² Сталин уже при формировании своей идеологии стремился показать, что руководство Россией, согласно «жидокоммунизму» узурпированное евреями, на деле и по праву осуществляет истинный русско-коммунистический мессия. Впоследствии, используя парадигму «Протоколов», он создает новую версию еврейской конспирации – версию «жидоантикоммунизма», точнее, пользуясь своими эвфемизмами, версию «сионоантикоммунизма».

Формируя мессианскую идеологию советизма, Сталин существенно дополняет ленинский мессианизм. Ленинизм, писал Николай Бердяев, в основном строился на марксовом мифе о пролетариате и его всемирно-исторической освободительной миссии. Сталин, исходя из нужд своей политики, преобразовал этот первоначальный образ миссии, соединив, по словам Бердяева, Третий Интернационал (коммунистическое мессианство) с Третьим Римом (русско-имперское мессианство).³

По контрасту с ипостасями новоявленного миссии - российско-имперской и пролетарско-коммунистической - формируется и образ антипода. До тех пор, пока миссия по освобождению человечества возлагалась в основном на “международный пролетариат”, антиподом миссии служила “международная буржуазия” и её разнообразные “ставленники” и “агенты”, объединяемые категорией “классо-

---

² Показательно, что ни в одной из многочисленных противоантисемитских публикаций, выпущенных в рамках пропагандистской кампании 1925-1934 гг., не парируется версия об еврейском авторстве революции и самой советской власти. Сама же эта кампания была, по существу, камуфляжем национализации борьбы с оппозицией, умело представленной Сталиным как оппозиция еврейская - и по своему составу, и по своему характеру. Kipnis M., Russian-Language Soviet Books against Antisemitism, 1925-1934, An annotated Bibliography. ‘Jews and Jewish Topics in the Soviet Union and Eastern Europe’. The Hebrew University of Jerusalem, № 1(17), Spring 1992.

³ Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма /1937 г./ М., Наука, 1990, с. 118.

вый враг”. Положение меняется, когда на пьедестале рядом с “международным пролетариатом” появляется ново-старый мессия - “русский народ”. Совмещение этих мессианских ипостасей приводит к образованию некой пирамидальной структуры, в основание которой помещается русский народ, породивший самый героический отряд международного пролетариата - русский рабочий класс во главе с партией большевиков. Пирамида увенчивается “гениями человечества” Лениным и Сталиным, подаренными миру русским народом.

Включение в образ мессии новых его ипостасей сопровождается введением в пропаганду соответствующих им антиподных фигур. Наряду с эксплуатацией понятий “патриотизм” и “родина” (она же “социалистическая родина всех трудящихся”), появляется их идеологический антоним- понятие “изменник родины”. Оно предшествует другому антониму- понятию “враг народа”, которое внедряется в массовое сознание в заключение двух-трехлетних спекуляций на вере в прекращение репрессий, вере в “социалистический гуманизм” и “общенародное государство”, спекуляций на абстракции “народ”, подаваемый как высшая ценность, а в филиппиках против “формализма” ещё и как верховный ценитель, как “мера всех вещей”. Оба идеологических антонима - “изменник родины” и “враг народа” обладали той же убийственной силой, что и определение “классовый враг”, - закон об “измене родины”, предусматривающий только одно наказание - смертную казнь, был принят 8 июня 1934 года, понятие “враг народа” появилось в прессе вместе с публикацией 15 августа 1936 года обвинительного заключения по делу Каменева-Зиновьева.

За несколько месяцев до массированной атаки на “врагов народа” в публикациях “Правды” появляется фигура “врага русского народа”, вырисовывается определяемые интересами вождя роль этого врага. Роль эта поначалу предназначается потомственному русскому интеллигенту Николаю Ивановичу Бухарину. В обширной литературе о Бухарине и о Сталине этот факт почему-то не фиксируется. Так же как остается в тени то, что именно в противопоставлении “антипатриоту”, “врагу русского народа”, «наемнику фашизма» Бухарину утверждалась новая роль Сталина - вождя русского народа, его защитника, правомерного продолжателя и вершителя его великодержавной истории, главного антифашиста эпохи.

В процессе развернувшейся против Бухарина кампании создается матрица антипода русско-коммунистического мессии. Именно по этой матрице кроились впоследствии фигуры “антипатриотов”, “космополитов”, “русофобов”, “сионистов” - всех тех, кто составил собирательную фигуру демонического - и уже не врага народа, а народа-врага, совместившего все существовавшие до него ипостаси антипода и антагониста русско-коммунистического мессии.

Доктрина “народа-врага”, доктрина антисемитизма, которая отработывалась в публичных кампаниях 1949-1953 годов, стала составной частью позднего стали-

низма, претерпевшего некоторые изменения в связи с возникшими в послевоенной ситуации политическими задачами. Но изменения эти не затронули сущности сталинизма, и он оставался тем, чем стал в процессе своего формирования, а именно - идеологией русско-имперского коммунистического мессианства.

Тайна вещи, писал Гегель, кроется в её происхождении. Попробуем разобраться в том, когда, как и с какой целью идеология, в рамках которой выстроилась доктрина русско-советского антисемитизма, была возведена в ранг государственной.

На фронте исторической науки

Под такой шапкой в понедельник, 27 января 1936 года, на второй странице “Правды” и “Известий” печатались написанные полутора годами ранее, в августе 1934 года, “Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу школьных учебников по истории СССР и новой истории”.⁴ Рядом публиковалось сообщение “В Совнаркоме Союза СССР и ЦК ВКП(б)” о том, что обе высокие инстанции решили “создать комиссию Совнаркома и ЦК ВКП(б) для просмотра и коренного улучшения, а в случае необходимости - и для переделки уже написанных учебников”. В постановлении, подписанном Сталиным и Молотовым, перечислялись все 11 членов комиссии, председателем которой назначался Жданов. Завершал список Бухарин, гибель которого, как и других членов комиссии (Радек, Бубнов, Бауман, Лукин, Затонский, Сванидзе, Ходжаев, Горин, Яковлев), можно полагать, была предрешена уже тогда. Так же как при написании “Замечаний” наверняка была предрешена судьба обоих русских соавторов Сталина - застреленного Кирова и заместившего его на посту секретаря ленинградского обкома Жданова, до конца дней своих остававшегося главным интерпретатором сталинских идей.

Но вернемся к “Замечаниям”. Одновременно с публикацией газеты посвятили им передовые и теоретические статьи: “Правда” - статью Радека, “Известия” - ответственного редактора газеты Бухарина.

Непосвященному и в голову не могло прийти, что полоса фронта пролегла между двумя центральными органами, в унисон прославлявшими “дело величайшей важности”. Скорее всего и сам Бухарин еще не подозревал в январе, что он-то и есть главный противник, против которого выстраивается “фронт исторической науки”. Более того, он сам поначалу участвует в войне, начавшейся как буд-

---

⁴ О значении этого документа см.: Геллер М., Некрич А. Утопия у власти. Лондон, 1989, с. 299-308; Дымерская Л. Замечания к истории, или история, сотворенная по Замечаниям. “Страна и мир”, Мюнхен, 1985, № 12, с. 43-50, 1986; № 11, с. 67-77.

то лишь против школы Покровского (подзаголовок его статьи - “О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М.Н.Покровского”).

Но прошло всего три дня, и стало ясно, что не покойный друг Бухарина Покровский, а он сам - главный объект запланированной операции.

В четверг, 30 января, передовая “Правды” уже клеймит неких “любителей словесных выкрутасов, мало смыслящих в ленинизме”, которые осмелились утверждать, что “до революции обломовщина была самой универсальной чертой русского характера, а русский народ был нацией Обломовых”.

В передовой от 1 февраля “Правда” продолжает наступление. На сей раз все еще не названный Бухарин оказывается в одной компании с “продажными фашистскими профессорами”, доказывающими, что “русские даже не люди”, и с Гитлером, который заявил, что “... не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству. Всем этим Россия обязана германским элементам”. Сразу же отмечу, что связь Бухарина с фашизмом изобретается как раз тогда, когда в «Известиях» печатается ряд его целенаправленных антифашистских статей, явно противоречащих тайному курсу Сталина на установление контактов с Гитлером /4/.⁵ Пафос разоблачений «профашистских поползновений» Бухарина как нельзя лучше маскировал подлинную прогитлеровскую ориентацию политических манипуляций Сталина. Знаменательно также, что, выстраивая образ антирусского антипатриота Бухарина, «Правда» с самого начала выпячивает связь между антирусскостью и фашизмом, которая на другом полюсе оборачивается такой же органической связью между русскостью и антифашизмом. Этому изобретению сталинской пропаганды, позволившему узурпировать антифашизм, накрепко связав его с советизмом, предстояло сыграть особую роль и в советской, и в постсоветской истории.

Но вернемся к Бухарину. Чтобы прочнее привязать его к фашизму, в числе “германских элементов” называются не только реальные исторические лица (“русские цари Романовы, затем все эти Ольденбурги, Ренненкампы, Фредериксы, фон-Плеве, Штюмереры, Остенсакены и др.”), но и вошедший в русскую литературу “тип немца-управляющего”. Имеется в виду, понятно, Штольц, персонаж романа Гончарова “Обломов”.

Имя главного героя этого романа, ставшее нарицательным после статей Добролюбова о Гончарове, действительно было упомянуто Бухариным в статье, посвященной годовщине смерти Ленина. Статья была напечатана в “Известиях” 21 января (за шесть дней до публикации “Замечаний”) и называлась “Наш вождь, наш отец, наш учитель”. В каком же контексте фигурирует “нация Обломовых” у Бухарина? Это выражение он использует, чтобы противопоставить “прежней раз-

---

⁵ Ганелин Р. Сталин и Гитлер /Встречались ли они, какую роль в создании их союза играл еврейский вопрос?/ Барьер /антифашистский журнал/, Санкт-Петербург, № 1/6/, 2001. Ганелин Р. Еще раз о Сталине и Гитлере в 1930- х гг. Барьер /антифашистский журнал/, №7, 2002.

дробленной России” Советский Союз, “самую организованную страну в мире, с единой теорией, с единым руководством”. О Ленине и партии большевиков он пишет как о силе, которая нужна была, чтобы “из аморфной малосознательной массы в стране, где обломовщина была самой универсальной чертой характера, где господствовала нация Обломовых, сделать ударную бригаду мирового пролетариата”.

Из этого апологетического текста явствует, что Бухарин, следуя пролетарско-интернационалистским установкам, не склонен принимать получавший признание тезис о генетической связи Российской империи и СССР. Напротив, опираясь на раскавыченные цитаты Ленина, который определял Обломова как “тип русской жизни”, Бухарин *противопоставляет* СССР России, а деловитость большевиков - универсальной российской обломовщине.

Но, разумеется, не верность идеям “ великого Ленина” заботила главного режиссера антибухаринской кампании. Ему нужен был муляж врага, борьба с которым оправдала бы внедрение русско-имперской идеи в официальную советскую идеологию, призванную закамouflировать народоубийственную сущность коллективизации и освятить начавшийся “большой террор”. Муляж должен был также послужить для прославления Сталина как истинного вождя русского народа, которого, в отличие от “антипатриота” Бухарина, по настоящему заботят достоинство русского народа, преемственность его государственной истории, его особая историческая миссия.

Уже в первой антибухаринской передовой “Правды” разоблачения “любителя словесных выкрутасов” служат прологом к главному: “народ, *давший миру* таких гениев как Ломоносов, Лобачевский, Попов, Пушкин, Чернышевский, Менделеев, *таких гигантов человечества, как Ленин и Сталин*, - народ, подготовивший и свершивший под руководством большевистской партии Октябрьскую социалистическую революцию, - такой народ называть “нацией Обломовых” может лишь человек, не отдающий себе отчета в том, что он говорит” (курсив мой – Л. Д.). Так под аккомпанемент гневных тирад против “этого человека” совершается превращение “ чудесного грузина” в “гиганта человечества”, подаренного миру русским народом.

Через номер (1.02.36) в передовой статье “РСФСР”, продолжая клеймить “историческую неправду” и “вредную болтовню” о нации Обломовых, “Правда” противопоставляет им “блестящее определение товарищем Сталиным русского революционного размаха”. Связывая все еще не названного автора этой “болтовни” с фашистскими профессорами и Гитлером, газета пишет, что в “клевете наших врагов огонь в первую очередь направляется на русский народ”.

Ненависть к русским “Правда” объясняет их исторической миссией - тем, что “великий русский народ стал во главе исторического процесса, указывая пролетариату и трудящимся капиталистических стран путь освобождения от ига экс-

плуататоров”. Далее с пафосом утверждается мессианско-цивилизаторская роль “великого русского народа”, который по-оруэлловски провозглашается “первым среди равных”.

На следующий день (2-го февраля) Бухарин в передовой “Известий” пытается парировать нападки “Правды”, противопоставляя ее русско-мессианским тезисам формулы пролетарского интернационализма. Если в “Правде” РСФСР именуется “первой величиной в созвездии советских республик”, то Бухарин (явно парируя формулу “первый среди равных”) называет ее “равной среди равных” в “братской семье”, переводя оценочное определение “великая” в количественное “крупнейшая и сильнейшая”. Он не принимает новых формул: “царизм - тюрьма народов” и “царизм - жандарм Европы” и упорно пишет, что не царизм, а Россия перестала существовать как тюрьма народов, “как алчный и хищный насильник над национальной культурой и волей 180 народов”. Эпитет “великий” он относит не к русскому, а ко всему советскому народу, который возникает как “великое содружество народов СССР, в котором нет ни угнетённых, ни господствующих”. Ответом были обвинения, уже прямо адресованные Бухарину, в редакционной статье “Об одной гнилой концепции”, занявшей обширный подвал “Правды” от 10 февраля.

Автор “гнилой” концепции противопоставлен гениальным вождям трудящихся Ленину и Сталину, которых (ещё раз повторяет “Правда”) “дал миру наш великий русский народ”. “Товарищ Сталин говорит о ленинизме как о высшем достижении *русской* культуры”, о “*русском* революционном размахе, обеспечивающем столько всемирно - исторических побед”. Он “с исчерпывающей полнотой показывает, почему Россия стала очагом ленинизма, а вождь *русских* коммунистов Ленин - ее творцом” (курсив мой – Л.Д.). В то же время антагонист Сталина Бухарин “находится в непримиримом противоречии со всей историей нашей страны, нашей революции и нашей партии”, партии, которая “всегда боролась против каких бы то ни было проявлений антиленинской идеологии Иванов, не помнящих родства, пытающихся окрасить историческое прошлое нашей страны в сплошной черный цвет”.

Бухарин противопоставляется всей партии, которая “никогда не допускала искажений исторической перспективы и преемственности”.

О какого рода преемственности между СССР и Россией идет речь, можно видеть по обвинениям Бухарина, который, писала “Правда”, вряд ли сумеет объяснить, как это «“нация Обломовых” могла исторически развиваться в рамках огромного государства, занявшего 1/6 часть суши земного шара». Такое объяснение, пишется в статье, требует разработки “подлинно научной истории народов СССР”. О том, какое “огромнейшее значение придает такой истории партия, - раскрывает смысл происходящего “Правда”, - с исключительной силой напоминают недавно опубликованные (напомним: ровно за две недели до этой статьи -

Л.Д-Ц.) материалы “На историческом фронте” - “Замечания тов. Сталина, Кирова, Жданова”. Следующая за этим угроза “разгромить все гнилые антиленинские клеветнические концепции, извращающие наше прошлое”, наводит на мысль об изначально антибухаринской предназначенности публикации “Замечаний”. В пользу этой гипотезы говорит сама синхронность событий. Предаваемая анафеме статья Бухарина напечатана 21 января, а уже через 6 дней публикуются “Замечания” и следом открывается пропагандистская кампания, целиком построенная на разоблачении “клеветнической концепции” Бухарина, на противопоставлении его вождю.

Спустя четыре дня после статьи в “Правде”, 14 февраля, Бухарин публикует в “Известиях” “Ответ на вопрос”, хотя безапелляционные обвинения “Правды” менее всего походили на вопрос. Бухарин осуждает приписываемую ему концепцию и уверяет, что не имеет к ней ни малейшего отношения. Он выражает сожаление, что слова “нация Обломовых” дали повод многочисленным органам печати “расширить постановку вопроса до приписывания ему... целой исторической концепции, по которой весь великорусский народ (до революции) трактуется как ни на что не способная величина” (курсив мой - Л.Д-Ц.).

Как можно видеть, Бухарин ясно говорит об использовании ”повода” и “приписывании” ему “целой исторической концепции”. Из этого можно заключить, что преднамеренность действий “на историческом фронте” более не составляла для него тайны.

В предпринятом наступлении приписанная Бухарину антирусская концепция связывалась с немецким фашизмом и непосредственно с самим Гитлером. Понял ли Бухарин сущность сталинского маневра, призванного закамуфлировать намерение вождя взять на вооружение столь успешно использованную Гитлером национально-имперскую идею?

Внимательное чтение “Известий” дает основание утверждать, что Бухарин не только сам понял цели предпринятого Сталиным броска, но и постарался использовать имевшуюся в его распоряжении трибуну, чтобы донести смысл происходящего до других. На следующий день после национал-коммунистических излияний “Правды”, 11 февраля, в “Известиях” начинается публикация повести Бруно Ясенского “Нос”, продолженная в номерах от 12, 14 и 17 февраля. Повесть, надо полагать, была написана по следам принятых в сентябре 1935 года на Нюрнбергском “съезде победителей” законов о чистоте арийской расы.

Демарш против Сталина

а) Бруно Ясенский о подобии сталинского и гитлеровского режимов

Свою повесть Ясенский предваряет эпиграфом из повести Гоголя “Нос”: “Но что странно, непонятнее всего, это то, что авторы могут брать подобные сюжеты .

Однако же, как поразмыслишь, во всем этом, право, есть что-то. Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете. “

Окакомже подобии (словоэтодваждыповторенов эпиграфе) повествует Ясенский в своей фантазмагории?

Главное действующее лицо “Носа”, профессор сравнительного расоведения Отто Калленбрук в своем новом научном труде “Эндогенные минус-варианты еврейства” исследует влияние семитического носа на психические черты еврейства. Книга пользовалась огромным спросом и спешно переиздавалась массовым тиражом.

«Однако сам вождь,- пишет Ясенский,- перегруженный государственными делами, книги до сих пор не прочел. В имперском же министерстве просвещения и пропаганды соглашались рекомендовать ее в качестве обязательного пособия по расоведению для средних школ лишь при условии внесения в новое издание некоторых поправок» (курсив мой - Л. Д.-Ц).

Аналогия с только что опубликованными сталинскими “Замечаниями об учебниках истории для средних школ” как бы напрашивается сама собой. Важно и то, что эпизод с учебником никак не связан с сюжетом повести. Не исключено поэтому, что он вообще был вставлен в написанный ранее текст.

Впрочем, не только этот эпизод, но и вся фантазмагория Ясенского построена так, что у читателя легко могут возникнуть ассоциации со сталинским режимом середины 30-х годов. Профессор Калленбрук то ли на самом деле, то ли в припадке помешательства обнаруживает у себя ярко выраженный семитический нос.

Генеалогическое дерево, найденное в Тиргартене, который превращен в генеалогический сад, подтверждает еврейское происхождение основателя общества за улучшение германской расы. В момент просветления расовед обращается к жене:

«- Что бы ты сделала, если бы твой муж оказался евреем? ...

- Ну конечно, я бы бросила его немедленно.

- И тебе ничуть не было бы жалко ни того, что у вас есть дети, ни тех долгих лет, которые вы прожили вместе?

- Какой ты чудной! С какой стати жалеть еврея!”- отвечает стойкая национал-социалистка. ....

- Вилли, - спрашивает Калленбрук семилетнего сына, - что бы ты сделал, если бы вдруг твой отец оказался евреем?

- Я бы позвал Фредди и Трудди, - отвечает берлинский Павлик Морозов, - и мы бы заманили его во двор, а там мы бы его двинули по башке кочергой, а потом выбросили на помойку.»

Вспомним: отречение от жертв партийных чисток, особенно свирепых после убийства Кирова, - основная тема романа Бруно Ясенского “Заговор равнодушных”.⁶ В отличие от аллегорически-фантастического “Носа” роман написан в сугубо реалистической манере. Но над обоими произведениями автор работал в разгар начавшегося после убийства Кирова террора, в период внедрения в официальную декларативно интернационалистскую идеологию идей русско-имперского мессианства, весьма созвучных идеям Третьего рейха. И в обоих произведениях, написанных в разных беллетристических жанрах, писатель ищет решения одного и того же, видимо, главного для него вопроса - причин подобия того, что происходило в гитлеровском рейхе и в сталинском СССР.

Действие романа, описывающего события, синхронно происходящие в СССР и в Германии, начинается 31 декабря 1934 года исключением из партии одного из главных героев повествования Юрия Гаранина. Исключение, за которым не стояло ничего, кроме неких бредовых домыслов, сразу же очерчивает круг, отделяющий “отлученного” от отрекающихся от него “правоверных”. Ясенскому должны были быть известны и причины этого: не только самому “отлучаемому”, но и тем, кто будет уличен в сочувствии ему, также грозят шельмование, самооговор (“разоружение перед партией”), пытки, лагеря, бесславная, бессмысленная гибель. Тем не менее писатель не приемлет отступничества и объявляет войну “заговору равнодушных”. “Не бойся врагов - в худшем случае они могут тебя убить. Не бойся друзей - в худшем случае они могут тебя предать. Бойся равнодушных - они не убивают и не предают, но только с их молчаливого согласия существуют на земле убийство и предательство”. Эти слова героя романа, немецкого антифашиста Роберта Эберхардта, убитого гестапо, Ясенский делает эпиграфом к книге.

Синхронно с сопротивлением антифашистов в Германии разворачивается борьба Жени Гараниной за исключенного в ходе партийных чисток мужа. Начиная эту борьбу, Женя более всего опасается его самоубийства. Именно так, самоубийством кончали многие из тех, кто знал, как завершаются спектакли чисток, поставленные по сценариям вождя и по его режиссуре.

Кроме случаев, когда люди сами сводили счеты с жизнью, известны были и самоубийства, инспирированные, по словам Конквеста, “навязанные” вождем и его сподвижниками. В ряду таких самоубийств стоят самоубийства особого рода - самооговоры обреченных. Самооговоры, которые вели к смертным приговорам, следователи получали не только пытками, но и используя преклонение больше-

---

⁶ Начатый в 1936 году роман остался неоконченным - в июле 1937 года Ясенского арестовали. Первая часть романа, спасенная женой Ясенского Анной Берзинь и подготовленная ею к печати, была опубликована в “Новом мире” в 1956 году, №№ 5-7.

виков перед партией, их стремление выполнить - даже ценой поругания и смерти - волю партии, ее поручение. Именно так уходил из жизни Бухарин, искавший смысл своей гибели в некой “большой и смелой политической идее”.⁷ Этот феномен Роберт Конквест назвал партийным фетишизмом,⁸ его психологическую подоплеку исследовал в романе “Слепящая тьма” Артур Кестлер.⁹ СобираТЕЛЬНЫМ прототипом главного героя романа Рубашова были Карл Радек, Михаил Кольцов, другие репрессированные советские деятели, с которыми писатель общался во время своего пребывания в Москве в 1933 году. Но основной фигурой, с которой Кестлер писал Рубашова, был Бухарин.¹⁰

В определенном смысле предшественником Кестлера можно считать Ясенского - в повести “Нос” он в зеркале нацистской фантазмагии воспроизводит тот феномен партийного фетишизма, ту ситуацию принятия “приглашения на самоубийство”, которая была в центре внимания Кестлера.

Близкий друг профессора Калленбрука фон дер Пффордтен (реальное лицо - юридический советник Гитлера, убитый 9 ноября 1923 года в мюнхенском путче и воскресший по воле писателя), узнав ужасную правду о еврейском происхождении расоведа, как и положено члену партии, думает прежде всего о партийных и государственных интересах. “Представьте себе, как обрадуются и какой вой поднимут враги национал-социализма, узнав, что один из виднейших теоретиков и идеологов расизма оказался евреем. Вы понимаете сами, вы должны исчезнуть и исчезнуть возможно без шума,- разъясняет он Калленбруку, в чем состоит его партийный долг. - ... Я бы мог одолжить свой револьвер, но слишком откровенное самоубийство наши враги не преминули бы тоже использовать для новых нападков на Третью империю. Разумнее всего, если вы сами сумеете придать вашей смерти безобидную окраску несчастного случая... Послушайтесь моего дружеского совета и сделайте это сегодня же вечером, чем скорее, тем лучше. Должен вас предупредить: в случае, если б у вас не хватало мужества умереть самому, партия вынуждена будет вам в этом помочь!” Как можно видеть, “навязываемое” расоведу самоубийство как в зеркале отражает входившие в практику Сталина “навязанные” самоубийства его соратников (Орджоникидзе, Скрыпник, Ломинадзе, Гамарник).

---

⁷ “Прости меня, Коба ...” Неизвестное письмо Н.Бухарина. Источник. Приложение к журналу “Родина”. Москва, 0, 1993, с. 23-25.

⁸ Конквест Р. Большой террор. Firenze, Tdizione Aurora, 1974, s.350-360, 249-250, с. 255-256.

⁹ Кестлер А. Слепящая тьма. Трагедия стальных людей. Пер. с англ. Кистяковского Л. Москва, ДЭМ, 1989.

¹⁰ Кестлер, спасенный в марте 1937 года из камеры смертников франкистской тюрьмы в Испании, писал: “Когда я узнал, сколько шума поднялось из-за меня, и сравнил это с безвестной гибелью моих друзей в России, из которых почти все были уже к тому времени арестованы, я с большой силой ощутил долг, который следовало как-то оплатить. Роман “Слепящая тьма”, начатый через год, был моим первым взносом”. Цитируется по книге М.Улановской “Свобода и догма. Жизнь и творчество Артура Кестлера”, серия “Евреи в мировой культуре”, Иерусалим, 1996, с.30-31.

События, связанные с Калленбруком, и дальше разворачиваются по сценарию, уподобленному советским ситуациям. “Приглашение к самоубийству” юридический советник подкрепляет аргументами, почерпнутыми у самого Калленбрука. Расовед в своих “трудах” настаивает на “необходимости освободить германский народ от неполноценных элементов”. Согласно этим идеям, Калленбрук должен не только “освободить германский народ” от себя самого, но и смириться с тем, что его дети окажутся в заведении для неполноценных и в интересах постулируемой им чистоты расы будут кастрированы. В тех же интересах фрау Калленбрук должна будет поступить в распоряжение избранных для воспроизводства чистой расы арийских мужчин-производителей.

Таким образом, Калленбрук оказывается жертвой собственных теорий, то есть попадает в ситуацию, подобную той, в которой оказался герой книги Кестлера Рубашов. Он, крупный партийный функционер, в свое время возложил на алтарь исповедуемой им партийной непогрешимости (“партия не ошибается”) немало человеческих жертв. Оказавшись в застенках НКВД, Рубашов соглашается на смертоносный самооговор не только чтобы выполнить, как призывает следователь (и как предлагает Калленбруку его партайгеноссе), “последнее партийное поручение”, но еще и потому, что следователь пользуется фактически теми же аргументами, какими руководствовался он, Рубашов, принося на алтарь партии своих былых соратников.

Когда Ясенский передавал Бухарину фантазмагорию “Нос”, наверняка он и представить себе не мог, как скоро публикатор окажется в прототипических обстоятельствах, изображенных в повести. Но Кестлер, работавший над своим романом не в преддверии, а по следам московских процессов, в качестве прототипа Николая Залмановича Рубашова сознательно выбрал Николая Ивановича Бухарина, с которым неоднократно встречался и даже подружился во время своего пребывания в Москве в 1933 году.

Кестлер дал литературному двойнику Бухарина отчество “Залманович” и тем самым, писал он, превратил своего героя в еврея, “чего сам тогда не заметил”.¹¹ Тем более не мог он заметить, что, превратив Рубашова-Бухарина в еврея, был близок к прозрению. Бухарин, обвиненный Сталиным в клевете на русский народ, в антипатриотизме, названный врагом русского народа, стал предтечей Еврея как главного Злодея, главного действующего лица всех русско-мессианских мистерий и сталинского и послесталинского времени. Впрочем вряд ли об этом мог кто-либо догадаться тогда, включая и самого Бухарина. Но то, что именно он стал публикатором построенной на аналогиях между гитлеровским и сталинским режимами антирасистской повести Ясенского, не было случайностью.

---

¹¹ Кестлер А. Слепящая тьма..., с. 200.

б) Бухарин: попытка противостояния “гитлеризации” СССР

Бухарин сам был автором ряда статей, из которых следует, что он одним из первых отметил опасное сближение гитлеровского и сталинского режимов и, пользуясь эзоповым языком, пытался довести это до сознания своих соотечественников. Ему лучше, чем кому-либо другому, было известно, как широко использовался язык иносказаний и как рьяно занимались его расшифровкой заинтересованные лица, среди которых (и он не мог не понимать этого) был сам вождь.

В повести, которую Бухарин опубликовал не просто *post hoc*, а именно *propter hoc* национал-имперской атаки Сталина (о чем, напомним, говорит хотя бы эпизод с замечаниями вождя на пособие по расоведению для средних школ), аналогии между гитлеризмом и сталинизмом настолько очевидны, а аллюзии столь прозрачны, что невольно напрашивается вопрос: как и во имя чего Ясенский и Бухарин отважились преступить “заговор равнодушных”?

Отважились, возможно, потому, что не подозревали тогда о масштабах готовящегося “большого террора”. К тому же они могли верить, что литературная слава и партийный авторитет (особенно после романа “Человек меняет кожу”) Ясенского и положение Бухарина обеспечивают им неприкосновенность.

Но скорее всего они шли на сознательный риск (вряд ли все-таки представляя, что их ожидает) ради предотвращения “гитлеризации” советской власти. О такой опасности Бухарин говорил Борису Николаевскому в Париже, куда поехал в конце февраля того же 1936 года для приобретения архива Маркса и Энгельса. Речь шла о политических формах недопущения “гитлеровских порядков”, т.е. тотальной власти одной партии. “Какая-то вторая партия необходима,- ответил Бухарин на вопрос Николаевского. - Если на выборах будет один только список, если второго конкурирующего списка не будет, то получится то же самое, что в гитлеровской Германии”.¹² Бухарин, работавший тогда над текстом конституции, предлагал легализовать “беспартийный блок” творческой интеллигенции, предложить на выборах второй список, возглавляемый Горьким и рядом крупных ученых.

Нельзя, однако, забывать, что Бухарин оказался в Париже вскоре после организованной Сталиным против него национал-имперской кампании, параллельно с которой разворачивалась идущая под лозунгом народности борьба с формализмом. Борьба эта также во многом была нацелена на Бухарина, на ту концепцию социалистической культуры, которую он отстаивал в “Известиях” со дня своего прихода в газету.¹³ Обе сталинские кампании - национал-имперская в идеологии,

---

¹² Бухарин об оппозиции Сталину. Интервью с Б.И.Николаевским. “Социалистический вестник”, № 4, декабрь 1965, с.92.

¹³ Борьбу с формализмом открывала редакционная статья “Правды” “Сумбур вместо музыки. Об опере Шостаковича ‘Леди Макбет Мценского уезда’”. Стилистика и терминология этой статьи, пишет Лазарь Флейшман, “поразительным образом перекликались с напечатанными за день до того... замечаниями о школьных учебниках по истории. И потому высказанная в ней

“народническая” в искусстве - явно перекликались с решениями проведенного в сентябре 1935 года в Нюрнберге нацистского “съезда победителей”. Именно там и тогда были утверждены законы о чистоте немецкой расы, а также с энтузиазмом приняты идеи, изложенные Гитлером в его докладе “Национал-социализм и искусство”.¹⁴ Все это позволяет заключить, что говоря о “гитлеризации”, Бухарин имел в виду не только политический ее аспект, но и идеологический, тем более, что этим аспектом он интересовался давно, по крайней мере с приходом Гитлера к власти.

Начало своей работы в “Известиях” (февраль 1934 г.) Бухарин ознаменовал серией статей, главная тема которых - коренная несовместимость коммунистического гуманизма со “скотством и расизмом” фашизма. Полемизируя с Бердяевым, Бухарин категорически возражал против “причесывания под одну гребенку фашизма и коммунизма”, противопоставляя “процессу обезчеловечивания, дегуманизации, озверения, бестианизма, обездушения, обезличения” - согласно Бердяеву, универсальной тенденции современности - “социалистический гуманизм” и высокую духовность коммунизма.¹⁵

За двадцать месяцев до нацистского съезда состоялся большевистский “съезд победителей” (январь 1934 г.). Приняв всерьез обещанное Сталиным на съезде всеобщее примирение, Бухарин в сотрудничестве с Горьким, Пастернаком и Эренбургом начинает серию выступлений за глубокую революцию в области культуры, просвещения, науки. Именно в этом он видел залог торжества социалистического гуманизма над бездушным тоталитаризмом, преграду на пути порабощения личности. Ориентация на глубокую культуру, продолжающую традиции мировой культуры, никак не соответствовала той прямой политической ангажированности (“партийность”), упрощению (“простота”), лубочности (“народность”), которые (следуя Гитлеру) Сталин в кампании против “формализма” провозглашает принципами социалистического реализма.

Антифашизм, отмечал Стивен Козн, для Бухарина был не только стратегией внешней политики, но превалировал также в его размышлениях о происходивших внутри советского общества процессах. Предметом его размышлений после убийства Кирова становятся аналогии между гитлеризмом и сталинизмом. На это обратили внимание многие исследователи, в частности, Михаил Коряков. “Конечно, Бухарин не переставал быть коммунистом, но он, по-видимому, считал,

---

оценка оперы возводилась всеми без исключения к Сталину”. Флейшман Л., Борис Пастернак в 30-е годы. The Magness Press. The Hebrew University. Jerusalem, 1984, s.296.

¹⁴ Голомшток И. Тоталитарное искусство. Москва, Галарт, 1994.

¹⁵ Бухарин Н. Кризис капиталистической культуры и проблемы культуры в СССР. “Известия”, 18.03, 30.03, 1934. Полемику с Бердяевым, в частности, оценку его книги “Судьба человека в современном мире” см.: “Известия”. 8.05.1935.

что Сталин дает основания для сравнения коммунизма с фашизмом” , - утверждал он.¹⁶

Бухарин пишет о “всех фашистских режимах, этические нормы которых исчерпываются преданностью нации и государству, верностью вождю и казарменным духом“. Всякий фашизм - “звериный мордобой, угнетение, насилие, война”. В последних своих статьях (лето 1936 года), написанных после возвращения из Парижа, Бухарин неоднократно подчеркивал: “...Все фашистские режимы действуют за фасадом политической фикции, обманной идеологической декорации”.¹⁷ “Сложная сеть декоративного обмана (в словах и действиях) составляет чрезвычайно существенную черту фашистских режимов всех марок и всех оттенков”.¹⁸

Гитлера можно было обвинять в чем угодно, но только не в “идеологической декорации”, - он сам, а за ним и вся нацистская пропаганда предельно откровенно разъясняли как цели райха, так и способы их достижения. “Политическая фикция”, “сеть декоративного обмана” - все это составляло существенную черту “фашистского режима” иной “марки” и иного “оттенка”. То, что подобные оценки могли быть отнесены к режиму Сталина, вряд ли оставалось тайной для “политизированных советских граждан”, которые, по словам Стивена Коэна, были достаточно “хорошо подкованы в эзоповом языке”. Представляя на суд читателя соответствующие аналогии, Бухарин делал это, считает Коэн, с надеждой предотвратить в СССР ситуацию нацистской Германии.¹⁹

Наблюдая разностороннее и нарастающее сближение режимов Гитлера и Сталина, Бухарин стремился разоблачать именно те стороны гитлеризма, которые воспроизводились в СССР. Для него, такого же истового интернационалиста, как и Ясенский, не менее грозным симптомом “гитлеризации”, чем политический тоталитаризм, была внедряемая Сталиным национал-имперская идеология, в немецком варианте основанная на расистском антисемитизме - главной теме повести Ясенского. Обоим - и автору повести, и ее издателю - было хорошо известно, что в русском варианте антисемитизм был такой же органической составляющей национал-имперской мессианской идеологии, как и в немецком ее варианте. Обоим было хорошо известно, что именно в рамках этой идеологии были сфабрикованы “Протоколы сионских мудрецов”, использованные Розенбергом и Гитлером для создания жупела «жидокоммунизма», якобы воцарившегося в СССР и чреватого господством евреев над всем остальным миром. Поэтому далеко не случайно Ясенский вводит в фантазмагорию эпизод с “сионскими мудрецами”, на заседание которых попадает несчастный расовед, спасаясь от эсэсовской облавы на евреев. Коварные старцы встречают его песней:

¹⁶ Коряков М. Живая история, 1917-1975, с. 200.

¹⁷ Бухарин Н. Расширение советской демократии. “Известия”, 1.05.1936.

¹⁸ Бухарин Н. Маршруты истории. Мысли вслух. “Известия”, 6.07.1936.

¹⁹ Коэн С. Бухарин. Политическая биография 1888-1938. Strathcna Publishing, Neu-York, 1980, s. 371, 375-380.

Мы - дюжина, мы - дюжина
Сионских мудрецов!
Весь мир нам нужен, нужен нам!
Съедем его за ужином . . .

Эпизод с сионскими мудрецами публиковался в нарушение табу, наложенного Сталиным на всякое упоминание о «Протоколах». О таком табу свидетельствует история со статьей Эренбурга.²⁰ Всего за полгода до публикации «Носа» из его статьи был изъят отчет о состоявшемся в Берне судебном процессе, на котором убедительно была доказана подложность «Протоколов». Понятно, что без особых на то указаний «сверху» Бухарин не стал бы подвергать столь скандальной правке статью ведущего автора его газеты.

В 30-е годы русский доктринальный антисемитизм, концентрированно выраженный в «Протоколах сионских мудрецов»²¹ еще не стал публично пропагандируемой частью идеологии сталинизма. Но русско-имперская идеология возродилась зримо и официально. И не логично ли предположить, что и у Бухарина и у Ясенского могли в связи с этим возникнуть опасения, что новое, организованное Сталиным, явление этой идеологии чревато новым же явлением русского антисемитизма? И не этими ли опасениями объясняется то, что сюжетным и идейным стержнем повести, преисполненной красноречивыми аналогиями между гитлеризмом и сталинизмом, является нацистский, построенный среди прочего на русских «Протоколах сионских мудрецов» антисемитизм?

“Враг русского народа” Бухарин - предтеча народа-врага

Вряд ли повесть “Нос” осталась вне поля зрения Сталина. Он не мог не понимать, что его национал-апологетическая ориентация вызывала ассоциации с Гитлером и его антисемитизмом не только у Бухарина и Ясенского. И не исключено, что в связи с этим, занимаясь, как обычно, камуфляжем, Сталин организует в мае того же 1936 года открытый противоянсеитский процесс по делу об убийстве врача еврея Вульфсона. Юрист Аркадий Ваксберг считает этот процесс маскировочным предприятием Сталина и подтверждает это тем, что в нарушение сложившейся практики обвинение поддерживал не местный прокурор, а генеральный прокурор СССР, к тому же суд, который должен был проходить в том регионе, где было совершено убийство, состоялся в Москве.²² Процесс, длившийся не-

²⁰ Ваксберг А. Из ада в рай и обратно. Еврейский вопрос по Ленину, Сталину и Солженицыну. Москва, 2003, с.114-115.

²¹ Дудаков С. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX-XX вв. М., Наука, 1993; Скуратовский В. Проблема авторства “Протоколов сионских мудрецов”. Библиотека Института иудаики. Киев, 2001.

²² Ваксберг А. Сталин против евреев: Секреты страшной эпохи. NY/. 1995, с.112-118.

делю и сопровождавшийся газетной бурей, был явно рассчитан на пропагандистский эффект: Вышинский обвинял убийцу в том, что он “осмелился... прямо нарушить замечательные указания нашего вождя и учителя о нерушимой дружбе народов нашей страны.”

Таким образом, обретенный в антибухаринской кампании титул “вождя русского народа” совмещался с титулом “вождя всех народов”, ответственного за их нерушимую дружбу и карающего за такое ее злостное нарушение как антисемитизм.

Тот же, кто позволял себе усомниться в этом имидже, как это сделал автор “Носа”, мог рассчитывать на адекватный ответ вождя. Ясенский был арестован в июле 1937 года и безвозвратно исчез в пучине ГУЛАГа.²³ Судьба же Бухарина, как и всей “ленинской гвардии”, в которой вождь видел помеху своему единовластию, была предрешена до и вне зависимости от публикации “Носа”.

Бухарин был арестован за пять месяцев до Ясенского 27 февраля прямо на Пленуме ЦК. Уже при его открытии 23 февраля участникам были розданы материалы по делу Бухарина и Рыкова с требованием их ареста как «наемных убийц, вредителей и диверсантов, находящихся на службе фашизма». Бухаринская «служба фашизму» - лейтмотив его обвинения на процессе – призвана была служить оруэлловским прикрытием неприятия Бухариным прогерманской ориентации Сталина. «Поиски путей к сговору с Гитлером,- писал Борис Николаевский, - Сталин проводил одновременно с началом подготовки к большим процессам и к чистке».²⁴ То есть с 1936 года, начатого кампанией против Бухарина, «клевета» которого на русский народ, сразу же увязанная с немецким фашизмом, послужила для возвеличения Сталина не только как вождя и защитника русского народа, но и как непреклонного антифашиста. Имидж, который был очень предусмотрительно заготовлен и послужил надежным камуфляжем дальнейшей «гитлеризации» режима.

Наряду с обвинением в «службе фашизму» клевета на русский народ числилась за Бухариным в качестве особого преступления. Обвинительное заключение, содержащее перечень бухаринских злодеяний, начиная с 1916 года, заканчивается 1936-м, когда Бухарин “обозвал русский народ нацией Обломовых”. В обвинительной речи Вышинского Бухарин, именуемый помесью свиньи и лисицы,

---

²³ Энциклопедии дают разные даты смерти Б.Ясенского. Краткая литер. энциклопедия датирует смерть писателя октябрем 1941 года (т.8, 1975), Большой Энциклопедический Словарь - 1938 годом (БЭС, т.2, 1991). Польская энциклопедия (PWN, Vol. 3, Wars., 1965) и Энциклопедия Иудаика (Encyclopedia Judaica, Vol. 9, 1971) пишут, что писатель умер в тюремной больнице от сыпного тифа в 1939 г. Ныне покойный Иван Андреевич Дараган, проживавший в Израиле с 1979 года, рассказывал, что видел мертвого Ясенского в камере на Лубянке в 1940 году. Дарагану, которого после избиений бил озноб, сокамерники предложили снять одеяло с лежавшего в углу человека. Это был, по его словам, скончавшийся Бруно Ясенский.

²⁴ Николаевский Б. Тайные страницы истории, редактор-составитель Ю.Фельштинский, М., 1995, с. 196. Цитируется по: Ганелин Р. Еще раз о Сталине. Барьер, № 7, 2002, с. 72.

причислен к “блоку изменников”, которым противостоит “блок советских патриотов, великих и несокрушимых в любви к своей родине и к великому Сталину”.

Итак, одним из первых врагом русского народа Сталин объявляет Бухарина. О том как состоялось это назначение, *каким образом* Сталин увязал его с открытием “фронта исторической науки”, мы уже видели. Попробуем разобраться, почему именно Бухарин оказался самой подходящей кандидатурой на эту роль.

В литературе по поводу “русскости” Бухарина можно встретить разные суждения. Так, Михаил Коряков полагал, что, в отличие от Ленина и Троцкого. Бухарин был “русским революционером”, которому дорога Россия, который в революции видел спасение страны от военного разгрома, а в НЭПе - путь к ее экономическому расцвету и укреплению крестьянства.²⁵

Михаил Агурский считал оценки Корякова мифом и в свою очередь утверждал, что из всех большевистских лидеров именно Бухарин “наибольшим образом олицетворял антинациональные идеи раннего большевизма”, объясняя это чем-то “экзистенциальным”, “некой национальной самоненавистью Бухарина”.²⁶

Но оставим сейчас в стороне вопрос об истинном отношении Бухарина к русскому народу. Не оно, каким бы ни было оно на самом деле, предопределило его избрание на роль “антипатриота”. Избрание Бухарина на эту роль было обеспечено его интерпретацией НЭПа, которую Сталин назвал правым уклоном или программой правых. Именно потому, что программа эта и в партийных кругах, и среди широких кругов населения воспринималась как программа охранительная и, в конечном счете, народозащитная, Сталин для начала обвинил Бухарина в клевете на русский народ, чтобы затем объявить его врагом этого народа и врагом народа вообще.

Предоставим слово такому компетентному свидетелю как А.Авторханов. “Сталин слишком хорошо знал, - пишет он,- что оппозиция группы Бухарина, в отличие от оппозиции блока Троцкого и Зиновьева, была популярна не только в партии, но и в стране. Платформа “правых” отвечала насущным интересам народа по трем важнейшим вопросам: 1) сохранение нэпа, 2) поднятие стандарта жизни крестьянства..., которое составляло тогда 80% населения страны, 3) отказ от всех видов репрессий в стране. В этом и заключалась смертельная опасность программы “правых” для уже обозначавшегося, как говорил Бухарин, ‘полицейского режима’ Сталина...”²⁷

Чтобы закамouflировать истинную - народоубийственную - сущность этого режима, Сталин и рядится в снятую с Бухарина тогу защитника народа, казуисти-

²⁵ Коряков М. Живая история, ..., с. 201.

²⁶ Агурский М. Идеология национал-большевизма. YMCA-PRESS, Paris, 1980, с. 207.

²⁷ Авторханов А. Технология власти. Посев. Франкфурт- на Майне, 1976, с. 238-240.

чески переводя на свой счет то, что ассоциировалось в сознании современников с его программой.

Но развенчанием Бухарина и заимствованием у него роли народозащитника дело не ограничивается. Сталин широко манипулирует использованной против Бухарина русско-имперской апологетикой и, соединяя ее с “теорией обострения классовой борьбы”, запускает в пропаганду казуистическую “националистско-классово-интернационалистскую” доктрину, призванную освятить террор, который и по своим масштабам, и по результатам (число жертв, разрушение устоев народной жизни, искоренение национальной культуры) обрел характер геноцида и геноцида, прежде всего, русского и украинского народов.

Русско-имперская апологетика, настойчиво внедряемая в публицистику, искусство, кино, формульно закреплялась в статьях советских энциклопедий.

Опубликованная в девятом томе МСЭ (март 1941 г.) статья “Русские” начиналась с чисто оруэлловской дефиниции: “Великий русский народ - первый среди равных”. В опровержение “подлой клеветы на русскую нацию”, которую “Иуда-Бухарин в своей звериной вражде... назвал “нацией Обломовых”, там снова приводится указание тов. Сталина “на одно из замечательных качеств русского народа - на его революционный размах” (курсив мой,- Л.Д.Ц.). В контексте сталинской пропаганды “Иуда” - не абстрактный символ предательства. Это знаковое обозначение инородческой, а точнее, еврейской сущности антипода великорусского вождя. В беседе с Лионом Фейхтвангером, отраженной в известной его брошюре “Москва 1937: Отчет о поездке для моих друзей”, вождь, встраивая в один ряд “предателей” Радека и Троцкого, говорит: “Вы, евреи, создали бессмертную легенду, легенду об Иуде”.²⁸ “Иуда-Троцкий” прочно связывается с “Иудой-Бухариным” (“троцкистско-бухаринский блок”). В цитируемой выше статье “Русские” в контексте разоблачений Бухарина и Троцкого как “злейших врагов народа” - они “силились опорочить русскую культуру” и “облегчить империалистам расчленение СССР” - советская энциклопедия патетически прославляет патернализм и мессианство русского народа, и, упреждая борьбу с “низкопоклонством перед Западом”, утверждает приоритет русских во всех областях культуры и исторического творчества.

Великий русский народ, пишется в той же статье, “славен как вождь, как друг, как соратник других народов... возглавляет борьбу всех народов советской земли за счастье человечества, за коммунизм”.

Народ здесь персонифицируется и увенчивается теми же метафорами, что и обожествленный к тому времени Сталин. Как и мессия Сталин, русский народ тоже мессия – он друг народов и вождь, возглавляющий их борьбу за счастье всего человечества. И подобно тому, как величие вождя утверждалось в его борьбе с

---

²⁸ Цитируется по: Вайскопф М. Писатель Сталин. Новое литературное обозрение, Москва, 2001, с. 256.

антиподами, которые самым фактом своего противостояния - неважно, мнимого или реального - переходили в разряд самых низменных существ - гнусных изменников, подлых убийц, вредителей, шпионов и т.п., так и провозглашение мессианского величия русского народа тоже сопровождалось борьбой. Она велась с теми, кому приписывали для начала отрицание этого величия, затем они превращались в «клеветников», а далее в злейших - и уже не идеологических, а политических и шире - онтологических - врагов русского и всех ведомых им народов.

Ту же метаморфозу, какую претерпел Бухарин в уготовленном ему кафкианском процессе, претерпевает и пришедший ему на смену Еврей. Фигуру заместившего Бухарина старо-нового антипода русско-имперского мессии Сталин обозначил вскоре после заключения пакта с Гитлером. Сделано это было не публично, а в доверительной беседе с Александрой Коллонтай, состоявшейся в Москве в октябре 1939 года. Речь шла о предстоящей войне с Финляндией, которая, «провидчески» утверждал вождь, «будет недолгой и обойдется малой кровью». Переходя к общей оценке роли СССР в мире, Сталин после панегирика русскому народу (миллионами жизней оплатившего его «мудрую» политику) говорит о злобещей роли «мирового сионизма» - именно он фигурирует как исторический враг партии, страны, народа и лично товарища Сталина. «Многие дела нашей партии будут извращены и оплеваны прежде всего за рубежом, да и в нашей стране тоже, - говорил он. - Сионизм, рвущийся к мировому господству, будет жестоко мстить нам за наши успехи и достижения. Он все еще рассматривает Россию как варварскую страну, как сырьевой придаток. И мое имя тоже будет оболгано, оклеветано. Мировой сионизм всеми силами будет стремиться уничтожить наш Союз, чтобы Россия больше никогда не могла подняться».²⁹

Поражает единомыслие с Гитлером, лексика которого, однако, отличается своей откровенностью от лексики советского вождя: губительное «мировое еврейство» Сталин подменяет «мировым сионизмом». Этим лексико-идеологические заготовки для грядущих антисемитских кампаний не исчерпываются. В беседе с Георгием Димитровым в мае 1941 года Сталин говорит о «безродном космополитизме», который не имеет ничего общего с пролетарским интернационализмом, ибо «готовит почву для вербовки шпионов, агентов врага».³⁰

Фигура нового идейного врага для сторонних наблюдателей начала вырисовываться лишь после знаменитой здравицы вождя в честь русского народа (24 мая 1945 года), когда его достоинства по схеме, отработанной в антибухаринском процессе, стали утверждаться:

а) опровержением клеветнических измышлений «низкопоклонников перед Западом» и «безродных космополитов»,

²⁹ Косолапов Р. «И мое имя будет оболгано», Диалог, №8, 1998, с.92-94. Цитируется по: Ганелин Р. Еще раз о Сталине и Гитлере в 1930-х гг.,...с.79.

³⁰ Цитируется по: Ганелин Р. Еще раз о Сталине и Гитлере в 1930-х гг., ... с.80-81.

б) противопоставлением русско-коммунистического мессии его антиподу и антагонисту.

Так же как антибухаринский процесс сопровождался кампанией против “анти-народного” формализма в музыке, литературе, искусстве, архитектуре, театре, так и кампания против «космополитов» подготавливалась и сопровождалась такими ударами по интеллигенции как постановления по журналам “Звезда” и “Ленинград”, об опере Мурадели “Великая дружба” и т.п. Томас Манн в ноябре 1948 года писал: “Когда я вижу, как русские композиторы стоят на коленях и слышу, как пустыми голосами они каются: да, мы были формалистами и наше искусство было диссонантно, мы грешили, батюшка, и раскаиваемся, - мне становится жутко... Московские оценки искусства и предписания искусству в точности совпадают с оценками нацистов...”³¹

Эти параллели были очевидны многим. Но если говорить об образцах для подражания в публичных кампаниях конца сороковых годов, то таковым был не столько нацистский опыт, сколько собственная практика 30-х годов. Во многом она была подобна, но все же не тождественна нацистской. Подобие выразилось в том, что сталинская и гитлеровская практика складывались по одной и той же логике - логике становления тоталитарных режимов, согласно которой разгром “идейных врагов”, установление тотального контроля над интеллигенцией предваряли и подготавливали физический террор - в Германии - геноцидный, в СССР - вначале “социцидный”, соединенный потом с геноцидным - сперва тайным (“наказанные народы”), затем публично пропагандируемым, но до конца не осуществленным - еврейским.

После первых прицельных залпов по “формалистам” и “низкопоклонникам перед Западом” был назван тот, кто, сменив Бухарина, в свою очередь возводил “поклеп на великий русский народ, бесстыдно клеветал на него, приписывал русскому народу самые отрицательные качества” (Большевик, № 5, 1949г.). Им оказался безродный космополит. Советский фольклор четко определил новую генеральную линию: “Чтоб не прослыть антисемитом, зови жида космополитом”.

Как раньше бухаринская “нация Обломовых”, так теперь “клеветнические измышления космополитов” оправдывали пафос, с которым в сотнях публикаций, тиражированных миллионами экземпляров, напоминалось о том, какую “высокую оценку дал русскому народу товарищ Сталин”. В той же редакционной статье журнала “Большевик” (1949 г., №5), особо подчеркивалась преемственная связь между “космополитами” и “злейшими врагами социалистического Отечества - троцкистами и бухаринцами.”

---

³¹ Манн Т. Письмо Гансу Майеру от 14.11.1948. В сб. “Томас Манн о немцах и евреях”. Составители Л.Дымерская-Цигельман (автор вступительной статьи) и Е.Фрадкина (перевод с немецкого и примечания). Иерусалим, Библиотека-Алия, 1990, с.327.

И так же как “антипатриотизм” Бухарина был лишь прелюдией к объявлению его врагом народа, так и космополитизм вскоре оказался “орудием сионизма, состоящим на службе англо-американского империализма”. Уже в кампании против космополитов, параллельно с которой шел подпитывающий ее закрытый процесс над Еврейским Антифашистским Комитетом, но главным образом с процессом Рудольфа Сланского и появлением на сцене “убийц в белых халатах” Еврей-Сионист представлен в пропаганде не только врагом идейным, но и как предопределил Сталин еще в 1939 году, врагом политическим, создающим разветвленную сеть заговоров против вождя, народа и государства. В ситуации разворачивающейся холодной войны Сионист оказывается агентом нацеленного на войну за мировое господство англо-американского империализма. Таким образом первая же публичная антисемитская кампания знаменуется внедрением в государственную пропаганду основных идей «Протоколов сионских мудрецов», но в контексте, однозначно противопоставленном любым версиям «жидокоммунизма» - как нацистским, так и русско-эмигрантским. При сохранении основной парадигмы «Протоколов» в пропагандистский оборот запускается новая версия об еврейском участии (пока лишь участии) в борьбе за мировое господство – версия «жидо-антикоммунизма», закамуфлированная под «сион-антикоммунизм». После сталинских кампаний оставался всего один шаг, чтобы, отождествив сионизм с еврейством, а антикоммунизм – с фашизмом, объявить сионизмом фашизм, теперь уже главным претендентом на мировое господство, на службе которого находятся все силы Зла, включая империалистов, диссидентов и др. Этот шаг по внедрению в советский и международный обиход обновленной конспиративной версии «Протоколов» будет сделан советской пропагандой 20 лет спустя - в период стагнации (“застой”) советской империи, период ресталинизации и интенсивной нацификации различных русско-имперских идеологий, как советских, так и антисоветских, как языческих, так и христианских.³²

Идеология сталинизма: ее функции и механизмы адаптации к общественному сознанию

Метаморфозы Бухарина совершались в процессе возведения русско-имперского коммунистического мессианства в ранг государственной идеологии. Уподобленные бухаринским метаморфозы Еврея происходили в послевоенном СССР - на следующем этапе утверждения этой идеологии.

---

³² Дымерская-Цигельман Л. Л. Корнеев как феномен советского антисемитизма 70-х - 80-х гг. “Евреи и еврейская тематика в советских и восточноевропейских публикациях”. Бюллетень Центра изучения восточноевропейского еврейства. Еврейский университет в Иерусалиме. 1986, февраль, № 2, с.1-23.

Именно тогда происходила смена “врага”, и антибухаринизм, ставший, по словам Стивена Коэна, составной частью идеологии сталинизма, замещался - в полном соответствии с намерениями вождя - антисемитизмом.

Но чем определялись сами эти намерения - может быть, неодолимой параноидальной юдофобией, как это было у Гитлера? Близкое этому объяснение дает Льюис Раппопорт.³³ В какой-то мере к такой же трактовке склоняются и некоторые другие исследователи. Действительно, бывший семинарист Сталин, неплохо освоивший христианский антииудаизм, был (и это подтверждается многими свидетельствами) весьма и весьма подвержен антисемитским эмоциям, которые с особой силой одолевали его к концу жизни. Тем не менее, он не Гитлер, многонациональный СССР не мононациональная Германия, а русский коммунизм как культурно-исторический феномен, хотя в чем-то и схож, но отнюдь не тождествен немецкому нацизму.³⁴ К тому же, в отличие от Гитлера у Сталина идеология не была самодовлеющей силой. Она всегда обслуживала политику, подчиненную генеральной цели - укреплению его единовластия в стране, коммунистической экспансии и доминированию СССР в мире .

Реализация этой цели определяла две взаимосвязанные функции сталинской гностико-дуалистической мессианской идеологии: 1). апологетическая – утверждение миссии, ликов и ролей мессии, «посвящение» и мобилизация тех общественных групп, которые становятся социальной опорой режима; 2). негативистская - формирование доктрины и стереотипов врага, освящение и оправдание “кнутов” репрессий, нагнетание страха путем разделения общества на “своих” и “чужих”, “посвященных” и “отлученных” (“еретиков”).

То, что в качестве идеологического “пряника” для “посвящения в свои” избиралась национал-имперская мессианская доктрина, свидетельствовало о возрастании социальной значимости кругов, исповедующих эту или близкую к ней идеологию. Это также означало, что отныне на эти круги, а не на интернационалистов-ленинцев (шла подготовка к их истреблению) Сталин делает ставку в аппарате, в силовых структурах и в среде интеллигенции. Аппаратчики, силовики и “своя” интеллигенция, то есть те, кто проводит, и те, кто освящают и пропагандируют политику вождя, становятся социальной опорой режима, при котором идеология играет не меньшую роль, чем система репрессий.

Таким образом, идеологию можно рассматривать как своеобразный индикатор, указывающий на те группы, которыми Сталин, формируя новый правящий класс – номенклатуру, замещал или собирался заместить истребляемую им “ленинскую гвардию” и “неприрученную” интеллигенцию.

---

³³ Louis Rapoport. *Stalin's War Against the Yews: The Doctor's Plot and the Soviet Solution*. NY, Free Press, 1990.

³⁴ Дымерская Л. Томас Манн и Николай Бердяев о духовно-исторических истоках большевизма и национал-социализма. “Вопросы философии”, Москва, 2001, № 5.

Идеологию также можно рассматривать как средство превращения “идейно близких” в “социально приближенных”. В процессе этой метаморфозы происходит адаптация официальной идеологии к позициям “социально приближаемых” путем включения в эту идеологию исповедуемых ими и импонирующих им идей. Показателен в этом отношении процесс адаптации сталинской идеологии к идеологии национал-большевизма. Сталинизм, как правило, отождествляют с национал-большевизмом, несмотря на то, что в своем первоначальном виде национал-большевизмом называлась идеология, существенно отличающаяся от сталинской, хотя в некоторых своих позициях и совпадающая с ней. Расширительное толкование понятия может привести к смешению разных по своей природе идеологических феноменов, из которых один относится к сфере обслуживающей власть государственной идеологии, а второй - к идеологиям, разрабатываемым в обществе. Оно может также затемнить отношения власти и общества, дистанция между которыми всегда сохранялась, несмотря на все усилия тоталитарного режима создать однородное идеологическое пространство.

Николай Устрялов, один из первых и наиболее авторитетных идеологов национал-большевизма, выразивший свое кредо в сборнике “Смена веков” (1921, Прага), призывал эмиграцию принять большевизм, ибо он ведет к воссоединению отторгнутых территорий и восстановлению русской державы. Восстановление русской государственности и сохранение русского народа национал-большевизм рассматривал как главную и самостоятельную свою историческую задачу. Принципиальное отличие сталинского национал-имперского коммунизма от национал-большевизма в том, что для Сталина мощное русское государство, укрепленное русским имперским патриотизмом в казуистическом сочетании с пролетарским интернационализмом, - это орудие укрепления его единовластия, орудие распространения коммунизма, то есть его, сталинского влияния во всем мире. Россия и русский народ возвеличиваются именно потому, что первыми воплощают коммунизм, трактуемый как глобальная цель всего исторического процесса. Таким образом, сталинский мессианизм, в котором русский народ и российское государство рассматриваются (а в политике используются) всего лишь как средство достижения генеральной цели - господства Сталина и его режима в России и во всем мире - явно противоречит концепции национал-большевизма, для которого сохранение русского народа и укрепление русского государства - самостоятельная цель, а большевизм - не более чем историей данное и само себя изживающее средство ее достижения.

Однако идея сильного централизованного государства, восстанавливающего границы русской империи и гарантирующего выполнение особой миссии русского народа, идея, заимствованная Сталиным из русско-имперских идеологий и в препарированном виде включенная в официальную идеологию советизма, делает созвучными сталинскую и устряловскую концепции. Созвучными, но не тожде-

ственными. Но и этого “созвучия” оказалось достаточно, чтобы несмотря на миллионные жертвы, породить и сохранить веру в русско-державные мессианские потенции созданного Сталиным режима.

Этот идейный резонанс позволил Сталину превратить в “социально-близких” многочисленные группы партийных новобранцев, военных, интеллигенции, которыми он замещал пролетарских интернационалистов, все чаще отождествляемых с мировым еврейством и его стремлением к мировому господству. Таким образом, включение русско-имперских идей в сталинскую доктрину было ни чем иным как идеологической адаптацией режима к его социальному базису - реальному и потенциальному.

Механизм адаптации в формировании советского антисемитизма

Поначалу (30-е годы) Сталин осваивает и озвучивает в пропаганде лишь русско-апологетическую часть национал-имперских, прежде всего национал-большевистских доктрин. Их негативистская часть, сводимая чаще всего к разным версиям антисемитизма, оставалась за рамками официальной идеологии до тех пор, пока обоснование репрессий ограничивалось доктриной классовой борьбы. По мере девальвации этой доктрины, идущей параллельно с девальвацией интернационализма, вводились фигуры “внеклассовых” врагов - “изменников родины”, “врагов народа” и, наконец, “врагов русского народа”,³⁵ которые по инкриминируемым им преступлениям были уже предельно приближены к “народу-врагу”. Все эти фигуры постепенно сближали негативистскую часть официальной идеологии с ее апологетической русско-имперско-коммунистической частью. Процесс был прерван войной, исключившей для властей возможность перехода от латентного антисемитизма к публичному, что было бы чревато открытому уподоблению советского режима нацистскому.

Но война же обнаружила повсеместно существовавшие резервы антисемитизма и тем самым похоронила миф об его спаде и даже полном исчезновении в СССР в 30-е годы. Миф этот основывался на ослаблении, а затем и полном прекращении в 1934 году начатой в 1925 году в советской печати противоянсеми-

---

³⁵ Уже после атак на Бухарина Исая Лежнев (он с 1935 года возглавлял в “Правде” отдел литературы и искусства и, несомненно, был причастен к этим атакам) в статье “Смердяковы”, посвященной процессу Пятакова и Радека, на котором большинство обвиняемых были евреями, стремился показать, что подсудимые не просто враги народа, но прежде всего враги русского народа. Лейтмотивом статьи были слова Смердякова: “Я всю Россию ненавижу... Русский народ надо пороть-с...”, - якобы выражавшие мысли и чувства приговоренных к казни (“Правда”, 1937, 25 января).

ской кампании.³⁶ Миф строился по простой логике - раз нет борьбы с антисемитизмом, стало быть нет и самого антисемитизма.

Но строго засекреченные противоантисемитские процессы 30-х годов свидетельствуют, что антисемитизм не только существовал, но существовал в разных формах. Аркадий Ваксберг на основе архивных материалов сообщил о ряде закрытых процессов, среди которых наиболее показательным он считает дело “антисоветской группы писателей-сибиряков” (10 человек, 7 погибли). Им инкриминировался “антисемитизм как способ обработки отсталых слоев в антисоветском, контрреволюционном духе...”.³⁷ Писатели говорили о засилье евреев в литературе и в руководстве страной. В другом закрытом процессе некто Голубничий тоже обвинялся в “распространении слухов о каком-то еврейском засилье в руководстве”.³⁸ Закрытым был и процесс над философом Алексеем Лосевым. Его судили за работу “Дополнения к диалектике мифа”, которая, писалось в заключении эксперта ОГПУ, “является законченной философской и политической платформой воинствующего черносотенства”.³⁹ Из подробного конспекта работы Лосева, представленного в ОГПУ, следовало, что Лосев видел в еврействе источник всех разрушительных процессов в истории. Евреи установили советскую власть в России, именно они строят социализм, за которым последует разрушительная, но для евреев благодатная анархия.

Но речь сейчас не о деле Лосева - во многом загадочное, оно требует особого анализа.⁴⁰ Но оно, как и материалы других закрытых процессов, говорит о существовании в 30-е годы тщательно замалчиваемого идеологического антисемитизма, замалчиваемого, в частности, потому что его адепты воспроизводили идеи «Протоколов» в неприемлемой для Сталина версии «жидокоммунизма». Не допуская никакой полемики на этот счет, Сталин до поры, до времени предпочитал опровергать подобные версии “явочным путем”, демонстрируя своей борьбой с “антипатриотами” и “врагами русского народа” кто является его истинным вождем. В ходе этой борьбы “незаконно” занявшие места инородцы неуклонно вытеснялись, а если того требовал общий сценарий, то и уничтожались. Чистка государственного аппарата, проводимая негласно, началась в предвоенные годы. А борьба с “засильем евреев” в искусстве была определена как особо актуальная задача в августе 1942 года в разгар битвы под Сталинградом. Соответствующие документы составлялись в высших партийно-идеологических инстанциях при непосредственном участии самых приближенных к вождю сановников - Алек-

---

³⁶ См. примечание 2.

³⁷ Ваксберг А. Сталин против евреев..., с.110.

³⁸ Там же, с.109-110.

³⁹ Так истязуется и распинается истина... А.Ф.Лосев в рецензиях ОГПУ. “Источник”. Приложение к журналу “Родина”. 1996, № 4.

⁴⁰ Прат Н. Лосев и тоталитаризм. “Вопросы философии”, 2001, № 5, с. 78-84.

сандра Щербакова, его креатуры Георгия Александрова, интерпретаторов и исполнителей намерений и указаний вождя Жданова и Маленкова.⁴¹

Стоит, однако, вспомнить, что волею вождя именно они были вознесены на партийный олимп, замещая истребленных Сталиным “интернационалистов”. Эти назначения, за которыми просматривались массовые продвижения единомышленников, можно расценивать как адаптацию сталинской кадровой политики к национал-большевистской среде, адаптацию, которая дополняла и шла параллельно с адаптацией идеологической.

Что представляла собой эта среда?

Михаил Агурский в своем доскональном и разностороннем анализе национал-большевизма рассматривает огромный спектр течений, объединенных идеологией примирения с большевизмом как силой национальной, возрождающей российскую мощь и российскую государственность. Идеологический спектр он соотносит со спектром социальным, и тогда обнаруживается, что среди принявших большевизм значительную часть составляли те, кто противопоставлял большевиков коммунистам-интернационалистам, то есть евреям, кто уповал на то, что большевики отстоят Россию от еврейского засилья и посягательств.

По этим мотивам к большевикам после прихода их к власти примыкает часть крайне правых, среди них несколько руководителей и внушительное число рядовых членов Союза Русского Народа. Агурский пишет о широком проникновении правых в партию большевиков. По словам цитируемого им Изгоева, Союз Русского Народа “если и расцвел и одержал победу, то только приняв новый облик и влившись в коммунистическую партию”.⁴²

Такой крупный правый деятель и идеолог антисемитизма как Василий Шульгин заявлял: “Знамя единой России фактически поднято большевиками!” (“1920”, Л., 1926) Это знамя вдохновляло и военных - из 130 тысяч командиров Красной Армии примерно половина была бывших царских офицеров и генералов, отношение которых к евреям достаточно рельефно проявилось в годы гражданской войны.⁴³

Многочисленные специалисты, разделявшие сменовеховские упования на “превращение России в национальное государство”, оправдывали свою работу на советскую власть начавшимся “изживанием революции”, под которым нередко понимали устранение евреев с руководящих постов.

Подобные взгляды получили широкое распространение среди интеллигенции как в эмиграции, так и в России. И не без участия ОГПУ, организовавшего известную операцию “Трест”, “тайный” визит Шульгина в СССР в 1926 году, при-

---

⁴¹ Костырченко Г. В плену у красного фараона: Политические преследования евреев в последнее сталинское десятилетие. М., 1994, с. 9-13.

⁴² Цитируется по: Агурский М. Идеология национал-большевизма..., с. 53.

⁴³ Там же, с. 55.

уроченное к этому времени издание его книги “1920” в Ленинграде. Шульгин собирает материал для книги “Три столицы”, в которой с удовлетворением отмечает родство фашизма и коммунизма, и комментируя слова некоего своего собеседника (сотрудника ОГПУ): “В современной русской жизни рядом с еврейским потоком, несомненно, пробивается и очень сильная русская струя на верхи”, утверждает: ”Жидов, конечно, скоро ликвидируют...”⁴⁴ Национал-большевистские упования такого толка находят живой отклик и среди членов партии, состав которой существенно меняется в годы ленинского призыва (1924-1926). Вновь принятые (а их 350 тыс., в четыре раза больше чем старых членов партии) составляют компактное русско-крестьянское большинство. Партийные новобранцы привносят старые традиции, формировавшиеся под влиянием массивированной и всепроникающей черносотенной пропаганды.

При таком раскладе внутри партии, при ситуации, когда советская система интегрировала социально значимые группы людей, так или иначе признававших национальный характер советского строя, Сталин выдвигает русско-мессианский лозунг “Социализм в одной стране” и начинает борьбу с левой оппозицией, возглавляемой евреями Троцким, Каменевым и Зиновьевым. Борьба эта, при соответствующей режиссуре Сталина, воспринятая как противостояние еврейскому засилью, придала дополнительный и мощный импульс антисемитским настроениям в партии и вне ее. Создав себе таким образом националистически-антисемитское алиби, Сталин готовит коллективизацию и индустриализацию - народоубийственные акции, в ходе и по завершении которых он начинает разработку русско-имперской коммунистически-мессианской апологетики, призванной, как было уже сказано, закамуфлировать истинную сущность его единовластия, обеспечить ему имидж вождя русского и лишь в таком качестве “вождя всех народов”, освятить начатый уничтожением старого партийного руководства массовый террор.

Так в общих чертах выглядит генеалогия русско-имперского коммунистического мессианства – идеологии сталинизма, в рамках которой была сформирована доктрина русско-советского государственного антисемитизма. Идеологии, претерпевшей разные метаморфозы на протяжении советской истории. Последняя из них, происходившая в период стагнации советской империи, отмечена активной ассимиляцией нацистских идей.

---

⁴⁴ Там же с. 225-226.

3. Нацификация советских и постсоветских идеологий

Государственная идеология: предыстория и история нацификации

Как возник советский нацифицированный антисемитизм? Что представлял собой процесс нацификации советских идеологий, когда он начался и чем был вызван?

Нацификация - это процесс освоения основополагающих нацистских идей в системе аргументации каких-либо других, "коренных" идеологий – как официальных, так и продуцируемых в обществе. В отличие от собственно нацистских доктрин те идеологии, которые при освоении нацистских идей сохраняют свою специфику, можно назвать паранацистскими. Именно такой паранацистской "гибридной" идеологией стал в 1970-80-е годы советский антисемитизм, разработанный партийно-пропагандистским аппаратом в тесном сотрудничестве с академическими заведениями.

В свое время открытие сходства между гитлеризмом и сталинизмом, между нацизмом и коммунизмом легло в основу понимания тоталитаризма и стало чуть ли не определяющим в процессе самопознания советского общества 60-х годов. Но увлечение этим открытием, абсолютизация того общего, что объединяло нацизм и коммунизм, нередко вело к забвению того специфического, что их отличало. Между тем русский коммунизм ни по провозглашенным целям и принципам, ни по своей аксиоматике, т.е. системе декларируемых (хотя и камуфляжно) ценностей, неявно модифицирующих христианские, ни по своим упованиям на научно-технический прогресс никак не тождествен нацизму с его антимодернистскими установками, с его призывом к возврату к природе, к дохристианскому языческому миру. Мессианский советизм как некая целостная цивилизация формировался на русской почве, в русле определенных доминантных направлений русской культуры, точно так же, как мессианский нацизм возрос на немецкой почве как порождение и одновременно перерождение культуры немецкой. И именно эти собственные корни, дающие все новые и новые побеги, представляют особый интерес, ибо культурно-историческая укорененность мессианских идеологий определяет не только вероятность их рецидивов, но и (при соответствующих условиях) возможность их взаимоадаптаций. Не будь своих корней, не будь собственной унавоженной почвы, саженцы и черенки нацизма в России были бы так же безопасны, как они, в конечном счете, безопасны в стране с укорененной в культуре демократией.

Несомненно, приживаемость нацистских идей в России, так же как русских идей в Германии, свидетельствует о близости культурных парадигм, послуживших основанием коммунистической и нацистской идеологий. Речь прежде всего

идет о манихейском противопоставлении обеих культур – духовной русской и духовной немецкой – «бездуховной», меркантильной цивилизации Запада, экспансия которой на восток находила мифологическое объяснение во всемирном заговоре евреев, нацеленных на мировое господство. Характерно, что нацистский вариант этого мифа был создан выходцем из России Альфредом Розенбергом, включившем в контекст своего “Мифа XX века” основные идеи созданных русской охранкой “Протоколов сионских мудрецов”, переведенных на немецкий язык в 1923 году. Эта близость культурных истоков, порой напоминающих сообщающиеся сосуды, способствовала и способствует тому, что черенки одного дерева легко прививались к другому. Но если нацификацию идеологий свести к чистому заимствованию, к простому переносу нацистских идей и к их потреблению в первоизданном виде (что, несомненно, тоже имеет место, особенно сейчас, в постсоветской России), если не видеть их *освоения*, их *натурализации* в структуре коренных идеологий, то можно прийти к ложным представлениям о чистой конъюнктурности этого феномена и соответственно к иллюзиям о возможности его преодоления столь же конъюнктурными, чисто политическими средствами. Между тем процесс нацификации, насчитывающий более чем тридцатилетнюю историю, начавшийся в СССР и продолжающийся после его распада, вряд ли может быть сведен к конъюнктуре. Он имеет свои глубинные историко-идеологические и политические предпосылки, их уяснение - условие необходимое (хотя и недостаточное) для эффективного ему противодействия.

Нацификация советских идеологий – и партийно-государственной, и общественных (то есть инициированных вне партийного заказа), - впервые открыто проявилась лишь после Шестидневной войны. Но, как было показано, уже в 30-е годы под руководством и при непосредственном участии Сталина была сформирована доктрина русско-имперского коммунистического мессианства, в модифицированный контекст которой в конце 60-х годов и были включены соответствующие нацистские идеи и, прежде всего, - стержневая и основополагающая в нацизме доктрина антисемитизма.

Нередко нацистский антисемитизм уравнивают со сталинским, а сталинские кампании: дело Еврейского Антифашистского Комитета, кампанию против «космополитов» и «дело врачей» - называют (по аналогии с Катастрофой европейского еврейства) Второй Катастрофой, геноцидом, точнее, несостоявшимся геноцидом. Разумеется, в доктринальном - сталинском и нацистском - антисемитизме есть много общего, тем не менее важно не упустить и их сущностные различия. И сталинский, и нацистский антисемитизм - составные части мессианских доктрин, нацеленных на переустройство мира. Обе доктрины строятся на конспирологической парадигме «Протоколов», но в нацизме эта парадигма воплощается в версию «жидокоммунизма», а в сталинизме - в контрарную ей версию «сионантикоммунизма». Таким образом в обеих мессианских утопиях евреям отводится

роль антипода и антагониста мессии, но как сами мессии, так и их миссии в нацистской и русско-коммунистической утопиях существенно разнятся. Немцам, высшему представителю высшей – арийской - расы, возглавляемым Гитлером и его партией, предстояло выполнить биолого-гигиеническую миссию, очистить мир от недочеловеков, и эта миссия оставалась приоритетной на всех стадиях существования нацизма, вплоть до его последних дней. Напрашивается вывод, что для нацизма характерен безусловный примат идеологии над политикой. Особенностью же русского коммунизма, советизма (и тоже на всех стадиях его существования - ленинизма, сталинизма и постсталинизма) является обратное соотношение - примат политики над идеологией. Если в нацизме образы мессии и его антипода остаются неизменными на всем протяжении его истории, то в коммунистическом мессианстве эти образы меняются в соответствии с запросами политики, как внутренней, так и внешней.

Доктрина антисемитизма, ставшая составной частью позднего сталинизма, была впервые легализована в советских пропагандистских кампаниях 1949-1953 годов. Именно тогда советский антисемитизм, как ранее немецко-нацистский, был возведен в ранг государственной идеологии и стал открыто проявляться в репрессивной и дискриминационной политике властей, начало которой было положено еще в предвоенные годы. Подчеркнем, однако, что в отличие от откровенного нацистского, советский антисемитизм всегда был иносказательным, более того, советские идеологи разоблачали антисемитизм как оружие классового врага, главным образом как оружие в руках сионистов. Приписать антагонисту чисто по-оружелловски свою собственную политику и идеологию - высший пилотаж советского камуфляжа, досконально отработанный самим Сталиным и его наследниками. Джордж Оруэлл, расшифровавший сущность и назначение идеологий типа сталинской, определил главное их правило – называть все с точностью до наоборот: министерство мира /минимир/ в его романе «1984» ведало войнами, министерство любви /минилюбовь/ – застенками. Этому правилу следовали советские идеологи на всем протяжении советской истории, меняя гуманистический камуфляж исповедуемых доктрин в однозначном соответствии с теми преступлениями режима, которые нужно было замаскировать: народоубийственные акции коллективизации маскировались патриотической русско-мессианской идеологией, Большой Террор – принятием всеблагой конституции, подготовка третьей мировой войны – широко разрекламированной борьбой за мир [Пагуошская конференция и т.п.] . В этом же ряду находится инициированная СССР и принятая в 1975 году резолюция ООН о « сионизме-расизме», среди прочего призванная замаскировать использование в политике, внутренней и внешней, советского нацифицированного антисемитизма, закамуфлированного под «антисионизм».

В этой связи еще раз напомним - в отличие от нацистского, "инвариантного" во времени антисемитизма, сталинский и весь вообще советский антисемитизм был чисто функциональным. Он использовался для решения актуальных политических задач, в последние сталинские годы - задач, связанных с кардинальными изменениями в послевоенном мире. Эти задачи (коммунистическая экспансия во вне и укрепление единовластия Сталина внутри страны) на языке русско-коммунистического мессианства формулировались как "всемирно историческая миссия СССР", которая состояла в коммунистическом переустройстве мира. Соответственно, функции врага-антагониста ограничивались поначалу сферой "классовой борьбы", трактовавшейся тогда как противоборство с англо-американским империализмом и его пособником - «международным сионизмом». В контексте холодной войны евреи изобличались как "вражеская агентура"- идеологическая и политическая. Расистско-биологическая аргументация и тем более отличающая нацизм биолого-гигиеническая аргументация в сталинском антисемитизме не присутствовала, и это составляло его принципиальное отличие от нацистского антисемитизма. Это, правда, не означает, что Сталину не доставало аргументов для перехода к истребительному антисемитизму (публичные и тайные казни, всякого рода репрессии), если бы таковой служил достижению его стратегических целей. И такие аргументы, судя по тому, как разворачивалось дело врачей, у вождя появились. Согласно замыслу Сталина, пишет Г.Костырченко, дело врачей должно было продемонстрировать наличие обширного «шпионско-террористического заговора, сколоченного в СССР западными спецслужбами».⁴⁵ Следствию было предписано показать, что нити заговора ведут в самые высокие государственные и партийные инстанции, доходя до опальных членов ЦК (В.Молотова, Л.Кагановича, А.Микояна). Таким образом, дело врачей должно было предвратить новый вал террора. Но «врачи-убийцы» вместе с другими репрессируемыми евреями составили бы хотя и массивную, но лишь надводную - пропагандистско-мобилизационную - часть айсберга жертв, приносимых на алтарь сталинского единовластия и экспансии.

Но вернемся к идеологическим особенностям сталинского антисемитизма. Отсутствие расистской аргументации отличало его не только от нацистского, но и от собственных, более поздних модификаций образца 1970-х годов. Появлению этих модификаций предшествовал своеобразный подготовительный период, начало которому положил сенсационный доклад Хрущева (1956 г.), открывший шлюз потоку разоблачений сталинского режима. Хрущев, одолевший своих конкурентов в деле десталинизации (главный конкурент Берия, начавший этот процесс сообщением подвластного ему МВД о реабилитации врачей, был казнен), тем самым получил возможность отмежеваться от соучастия в преступлениях сталинского режима. Хрущев и следом за ним вся партийная пропаганда ограничилась

---

⁴⁵ Костырченко Г. Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм. Москва, 2001, с. 677.

выступлениями против “культа личности”, ни в коей мере не затрагивая сущности системы-кормилицы и полностью замалчивая такую ее органическую особенность как государственный антисемитизм. Молчание – знак согласия, которое в данном случае означало продолжение той же политики, правда, с заменой массовых репрессий на избирательные (расстрельные «экономические процессы» 1961-64 гг., судебные расправы с активистами еврейского движения).

При всей ее ограниченности партийная критика «культа личности» послужила спусковым механизмом для развертывания процессов национального самопознания. Набравшие силы в обществе эти процессы были нацелены на поиски корней, причин и возможностей многолетнего функционирования народоубийственного режима. И в ходе этих поисков многие изыскатели, зачастую пренебрегая аналитическими “как” и “почему”, ориентировались на национально реабилитирующее “кто виноват”, как правило, не замечая при этом, что такая реабилитация по большому счету более походила на дискредитацию – ведь великий русский народ предстал при этом уже не как субъект своей собственной истории, а как пассивный объект манипуляций некой сторонней злокозненной силы. Именно такую силу «патриоты-реабилитанты» видели в якобы нацеленном на мировое господстве Еврее, традиционный негативный стереотип которого был введен в общественный обиход только что отгремевшими антисемитскими кампаниями 1940—50-х годов. А поскольку официальная идеология к этому времени уже порядком девальвировалась и ее “классовые” объяснения мало кого устраивали, то причины «еврейской злокозненности» стали все чаще находить в самом “Еврее” как таковом. Подобные версии множились в русском Самиздате (журнал “Вече”, например), в разножанровых подцензурных изданиях (издательство и журнал “Молодая гвардия”, журнал “Октябрь” и др.), их апофеозом стали ходившие в Самиздате книги Солженицына, прежде всего “Август Четырнадцатого”. Демон-Еврей в образе Парвуса, манипулирующий русофобом, на четверть евреем Лениным, играет главную роль в национальной катастрофе России, какой являлась, по Солженицыну, революция.

В 60-е годы начинается новый процесс: официальная идеология начинает постепенно абсорбировать продуцируемые в обществе идеи, таким путем адаптируясь к нему. Одним из первых опытов такого рода можно считать книгу Трофима Кичко “Иудаизм без прикрас”(Киев, 1963), где пороки еврейства предстают как нечто производное от его религии. Появление этой книги показывало, что уже и в официальной идеологии религиозно-этническое обоснование антисемитизма начинает вытеснять объяснение “классовое”, которое сохраняется лишь как камуфляж формирующейся расистской версии государственного антисемитизма.

Но настоящий перелом в государственной идеологии знаменуется выходом в свет в 1969 году книги «Осторожно, сионизм!» Юрия Иванова, курировавшего

тогда в ЦК КПСС компартию Израиля (суммарный тираж его книги на разных языках составил 550 тыс. экземпляров, из них 42 тыс. на арабском). Именно с этой книги начинается интенсивная нацификация государственной идеологии. В облачении «антисионизма» и под лозунгом «борьбы с современным фашизмом» в нее вводится заимствованная из арсеналов Геббельса тотально антисемитская концепция расистского толка. В модифицированном виде она становится интегральной частью неосталинистского варианта русско-коммунистического мессианства, создаваемого в соответствии с запросами нового времени. Какими же были тогда эти запросы?

После подавления освободительных движений в странах-сателлитах, после подавления диссидентского движения в СССР и начала массовой еврейской эмиграции, после поражения в Шестидневной войне оснащенных советским оружием арабских стран наступает период стагнации советского режима, названный потом “застоем”. В этот период начинаются активные поиски путей реанимации и сохранения русско-советской империи. Они ведутся в широком диапазоне политических ориентаций - от просоветских до антисоветских – и захватывают различные общественные группы, прежде всего интеллигенцию, внушительная часть которой в поисках таких путей обращает взоры к нацизму - его мистике, его геополитике, к арийской идее и язычеству - и все это в органической связи с нацистским антисемитизмом. В этой ситуации доминирующая в те годы часть партийного аппарата тоже хватается за нацифицированную доктрину антисионизма, приспособливая с ее помощью государственную идеологию к общественной и превращая таким путем идейно близких интеллигентов в социально приближенных. Все провалы и неудачи СССР начинают объясняться отныне происками всесильного и вездесущего “международного сионизма”, этого, как пишет Иванов, “врага всех народов, ... всех свободлюбивых людей земного шара”. Так идет замещение политизированной сталинской версии «Протоколов» их исходной универсалистской парадигмой – еврейство трактуется теперь не только как враг политический, но как враг онтологический, состоящий в преступном заговоре против всех народов мира.

Свою схему разоблачений этого врага Иванов строил на широко использованной в нацистской пропаганде статье Маркса “К еврейскому вопросу”, которая до него в советских публикациях о евреях (включая сталинские кампании) никогда не упоминалась. Заимствуя у Маркса немецкий термин “юдентум”, Иванов отождествлял с этим «юдентумом» сионизм, отрицая при этом само существование евреев как народа. На этой основе он строил извращенные версии еврейской истории, культуры и религии, которые были призваны убедить читателя, что евреи с древнейших времен, руководствуясь расистскими доктринами иудаизма об их избранности, стремятся к мировому господству, что нет преступлений, перед которыми остановились бы сионисты, установившие режим апартеида в Палести-

не, активно участвующие в подрывной деятельности в странах третьего мира, в социалистических странах и в СССР и организующие террор во всем мире. Это была цельная концепция расистского антисемитизма, культивировавшая тот же миф о еврействе как о подлежащем искоренению мировом зле, что и нацистская. Иванов фактически воспроизводил ту версию нацистской пропаганды, которая использовала вывод Маркса о грядущей “эмансипации общества от еврейства” как исходящий от самокритичных евреев аргумент в пользу “окончательного решения еврейского вопроса”. Отличие и существенное заключалось в том, что нацистское биолого-гигиеническое “обоснование» тотального антисемитизма замещалось у Иванова «обоснованием» культурно-историческим: “почва” вытесняла “кровь”, “история” – “гигиену”. Оно и понятно - кровь не могла фигурировать как решающий аргумент в многонациональной империи, а апологетика освещенной “гигиены” никак не совмещалась с декоративной дружбой народов.

Обильное цитирование Маркса помогло Иванову не только выстроить культурно-историческую версию расистского антисемитизма, но и включить эту версию в официальную “марксистско-ленинскую” идеологию, камуфлируя “учением о классовой борьбе” ее паранацистскую сущность.

Камуфляж у советских антисемитов приобретал характерные для всего советизма оруэлловские очертания. Конструируя свою расистскую схему, они «с точностью до наоборот» обвинили в расизме самих сионистов, отождествляемых с насчитывающим трехтысячелетнюю злодейскую историю “юдентумом”. Одним из главных изобретений паранацистских идеологов стало уравнивание сионизма с расизмом, на основе чего была принята позорящая ООН резолюция 1975 года. Не менее значимым было другое нововведение, сыгравшее, как и первое, огромную роль в идейном оснащении арабского терроризма и исламизма, а именно - отождествление сионизма с фашизмом, выразившееся в формулах типа “фашизм под голубой звездой” и “сионизм – это современный фашизм”. В нацифицированном неосталинизме эти антисемитские изобретения играли важнейшую роль, позволяя реанимировать «гуманистический» образ СССР как лидера новой антифашистской коалиции (одновременно напоминая о нем как об освободителе мира от немецкого фашизма). Стоит отметить, что сам нацизм никогда не объяснялся в советской литературе особенностями немцев как народа. (Гитлеры приходят и уходят, говорил Сталин, а народ немецкий остается.) Зато корни “сионизма-фашизма” тщательно изыскивались в самой природе “юдентума”, в его “полной преступлений” истории, в его “порочной” религии. Иными словами, советский “антифашизм” образца 70-х годов строился как цельная расистская доктрина культурно-исторического толка.⁴⁶

Она подкреплялась еще одним изобретением. Речь идет о «сотрудничестве сионистов с нацистами», более того - об их, сионистов, «пособничестве» в унич-

---

⁴⁶ См. примечание 32.

тожении 6 миллионов своих соплеменников. Этот тезис был впервые выдвинут Ивановым в 1969 году. Развивая эту идею, советские антисиионисты приходят к еще одному «открытию» - оказывается, не было этих 6 миллионов. Число истребленных нацистами евреев, утверждал Лев Корнеев, завышено “в 2-3 раза по крайней мере”.⁴⁷ Он же сообщал, что цифра 6 миллионов была названа еще в 1937 году Хаимом Вейцманом и “принята впоследствии за исходную”, что “превращение в пыль сотен тысяч евреев-несионистов было заранее запланировано сионистским руководством”. То, что относится к ревизии Катастрофы, было почерпнуто советскими антисиионистами из соответствующих западных, преимущественно неонацистских источников, появившихся большей частью после процесса Эйхмана (1961 год). Освоение неонацистских источников – один из признаков не просто нацификации, а уже неонацификации советской идеологии. Но изуверские измышления об участии сионистов в планировании и осуществлении Катастрофы – это уже была оригинальная и типично советская продукция, сходная с обвинениями «врагов народа» в 1937 году и сразу получившая широкий сбыт в арабской антиизраильской пропаганде.

(Героическую попытку противодействия Корнееву предпринял в то время ленинградский историк Иван Федорович Мартынов, поплатившийся за нее несколькими годами тяжелых принудительных работ. На свое письмо протеста, направленное в Политиздат Украины, он получил ответ, в котором среди прочего говорилось: “Книга хорошо оценена рядом зарубежных представительств. Так, временный поверенный в делах ООП в СССР писал: «Можно без преувеличения сказать, что монография Льва Корнеева по глубине анализа реакционной проимпериалистической сущности сионизма может быть названа лучшей книгой на эту тему, изданной за последнее время”. Представитель ООП считает, что издание книги - пример реальной помощи советского народа справедливому делу арабского народа Палестины.” Этому же “справедливому делу” служило, видимо, и полностью нацифицированное сочинение неоязычника Емельянова “Десионизация”, выпущенное в свет в 1980 году в Париже издательством “Свободная печать Палестины”. В год выхода в свет опуса Корнеева в институте востоковедения АН СССР была защищена диссертация, посвященная сотрудничеству сионистов с нацистами. Автор ее, Абу Мазен, будущий глава правительства, а затем и президент Палестинской автономии опубликовал потом новый «труд» - «Тайные связи сионизма и нацизма во время Второй мировой войны»).

С конца 70-х и до середины 80-х включительно паранацистская доктрина была доминирующей частью советской государственной идеологии. Однако она не исчерпывала ее целиком, потому что тогда же определилась группа относительно умеренных партийных антисиионистов (например, Владимир Носенко, Татьяна Карасова), тексты которых отличались ритуальной цитацией Ленина без какого

---

⁴⁷ Корнеев Л. Классовая сущность сионизма. 1982, Киев, Политиздат с.140.

бы то ни было упоминания статьи Маркса “К еврейскому вопросу”. Умеренных можно поэтому условно назвать “ленинцами”, тогда как истинных паранацистов - “марксистами”. Расхождения между этими двумя группами отражали идеологический водораздел между двумя партиями, формировавшимися внутри КПСС еще в годы “застоя”. О борьбе между ними, которая шла с переменным успехом, можно судить по воспоминаниям такого компетентного участника событий как Александр Яковлев. В 1972 году он был уволен с поста заведующего отделом пропаганды ЦК КПСС после статьи в «Литературной газете», в которой он, по его словам, предупреждал « о нарастающей опасности великодержавного шовинизма и антисемитизма».⁴⁸ Яковлев, отправленный послом в Канаду, в один из своих приездов в Москву узнал от Андропова об аресте «автора книги “Осторожно: сионизм!”», обвиненного в “антисоветской деятельности”. В 1981 году были сняты со своих постов редактор журнала «Человек и закон» Сергей Семанов и его единомышленник главный редактор «Комсомольской правды» Валерий Ганичев. Комментируя эти события, Яковлев пишет:” В духовной атмосфере тех лет агрессивно националистическое крыло увидело реальные возможности для практических действий но, видимо, поторопилось”.⁴⁹ Таким образом, паранацистская идеология с ее тотальным антисемитизмом, на основе которого шла адаптация к идейно близким административным (из силовых и секретных ведомств) и общественным группировкам, а также к единомыслящей интеллигенции, использовалась ее адептами как руководство к действию, а именно – действию, нацеленному на соответствующие изменения в политике и государственном устройстве застойного СССР. Эти изменения они, вероятно, надеялись произвести собственными силами, отстранив действующее руководство. Именно этим, то есть возможным посягательством на прерогативы власть имущих объясняются их ответные акции против фашиствующих диссидентов, которые нельзя расценивать иначе, чем охрану собственного статуса.

Что же касается существа общего «антисионистского дела», то принципиальных расхождений с паранацистами у советского руководства не было. Более того, именно оно стало инициатором и организатором нового способа «решения еврейского, точнее, сионистского вопроса». Речь идет о стратегии и тактике террористической войны, развязанной против Израиля и США. Исполнителями терактов стали снабженные советским оружием, идейно и организационно подготовленные советскими спецслужбами арабы как светские, так и исламисты. Генерал Ион Михей Пачепа, возглавлявший в 70-е годы внешнюю разведку Румынии, комментируя факт использования террористической организацией Хизбалла советского оружия во второй войне в Ливане (июль-август 2006 года), утверждает, что «сегодняшний международный терроризм был сконструирован на Лубянке в

---

⁴⁸ Яковлев А. Омут памяти. Москва, 2001, с. 190.

⁴⁹ Там же, с. 193.

штаб-квартире КГБ после Шестидневной войны в 1967 году».⁵⁰ Концепция советского руководства, в которую румынского генерала посвятил возглавлявший внешнюю разведку СССР генерал Александр Сахаровский заключалась в следующем: «В современном мире, - цитирует Пачепа, - когда ядерное оружие сделало использование военной силы устаревшим методом, терроризм должен стать нашим основным оружием». Далее Причепа приводит данные о переправке оружия соответствующими службами Румынии, ГДР, Чехословакии палестинским террористам. КГБ, свидетельствует он, превратил захват самолетов в главный инструмент террора. Только в 1969 году финансируемая КГБ Организация освобождения Палестины захватила 82 самолета. В 1971 году при личной встрече Пачепы с Сахаровским последний, демонстрируя карту мира с множеством нанесенных на нее мест захвата самолетов, сообщил, что захват самолетов – это его, Сахаровского, собственное изобретение. Далее Пачепа приводит данные об организованных КГБ антиизраильских наземных терактах, унесших сотни человеческих жизней. В 1971 году КГБ приступил к операции «Тайфун», направленной на дестабилизацию Европы и на организацию наряду с антиизраильской антиамериканской террористической деятельности.

По инициативе возглавлявшего тогда КГБ Андропова была разработана операция с кодовым названием СИГ – «сионистские государства». Таковыми должны были быть представлены в антиссионистской пропаганде Израиль и США. Последние, находясь под управлением «фашистов-сионистов» должны были, по версии КГБ, осуществить сионистские планы, нацеленные на завоевание мирового господства и превращение исламского мира в еврейские колонии. В реализацию операции СИГ были вовлечены спецслужбы сателлитных стран, которым предстояло обучить методам дезинформации и террористическим операциям порядка 4000 агентов, уже к 1978 году «работавших» в исламских странах. Их задачей было, пишет Пачепа, разжигание слепой яростной ненависти к евреям и «американскому сионизму». Этой же цели было подчинено распространение тысяч экземпляров переведенных на арабский язык «Протоколов сионских мудрецов», а также опусов советских антиссионистов. Таким образом идеология советского нацифицированного антиссионизма органически сочеталась с террором уже не в рамках отдельно взятой советской идеократии, а в экстерриториальных масштабах. На базисе, созданном в 70-е годы советским руководством и подвластными ему спецслужбами сателлитных стран, «антиссионизм» в сочетании с террором продолжили свое существование, постепенно обретая глобальные масштабы.

Но вернемся в СССР, где избранный в марте 1985 года Генсеком ЦК КПСС Михаил Горбачев провозгласил начало перестройки и гласности. В качестве

---

⁵⁰ Пачепа И. Российские следы. Прессбюро. Приложение к газете «Новости недели», Иерусалим, 31. 8. 06.

идеологической платформы было представлено «новое политическое мышление», декларативно заместившее «классовую борьбу» «общечеловеческими ценностями». «Новое политическое мышление» было более или менее успешно реализовано во внешней политике агонизирующей империи. Что же до внутренней, то гласность обнаружила, что декларированных гуманистических принципов придерживается лишь часть номенклатуры, другая же часть выступила с яростной критикой как перестройки в целом, так и ее идейной платформы. И та, и другая партийные группировки были вершинами айсбергов, массивные подводные части которых были представлены общественными группами, между которыми началась открытая борьба, выразившаяся в противостоянии различных изданий, в противоборстве расколовшихся творческих союзов. Общественная полемика обнаружила, что истинный водораздел между крайними идеологическими флангами в СССР проходит через их отношение к сталинизму, через ту или иную трактовку советской истории. И в этом контексте знаковой темой, характеризующей ту или иную политико-идеологическую позицию, продолжала оставаться еврейско-сионистская. Обвинение в «присионистских» ориентациях Горбачева и его окружения было лейтмотивом инициированного партийной оппозицией появившегося 13 марта 1988 года в «Советской России» письма Нины Андреевой. Ответ («Правда», 5 апреля), в котором говорилось о шовинизме автора письма, был подготовлен Александром Яковлевым, возглавившем при Горбачеве идеологическое ведомство в ЦК.

Горбачевское время знаменательно двумя серьезными новациями: 1). антисемитизм из средства укрепления власти правящей партийной группировки превратился в средство борьбы за власть партийной оппозиции; 2). противодействие антисемитизму было легализовано на разных уровнях и в разных сферах общественной жизни.

Но противодействие антисемитизму в СССР-СНГ - тема отдельная. Вернемся к паранацистским доктринам, на этот раз к тем, что спонтанно формировались в советском обществе образца 70-х - 80-х годов. Инициировались они, видимо, внепрямого заказа партийно-пропагандистских служб, но запускались в общественный круговорот при явной их поддержке и соучастии.

Общественная самодеятельность: русское арийство и неоевразийство

В 60-е годы и особенно в годы «застоя» стали размножаться самодеятельные русско-имперские мессианские идеологии, как про-, так и антисоветские. В первых евреи обвинялись в «извращении нашей революции», во вторых – в ее свершении. Эти идеологии уже с конца 60-х годов дополняются новой конструкцией, до того не имевшей прецедента в истории русской мысли. Речь идет о расово-циви-

лизаторской версии русского мессианства. Согласно этой версии русский народ стал предметом экзистенциальной ненависти («руссофобии», по Шафаревичу) евреев, поскольку отдаленные предки русских - «первые индоарии» - много тысячелетий тому назад заложили основы богатой языческой культуры, которая изначально противостояла ущербной иудейско-христианской цивилизации. Разработчиков русско-арийского мессианского мифа вдохновляла перспектива возрождения этой культуры в России, миссия которой на этот раз заключалась в оздоровлении всего человечества, изнемогающего под игом воцарившегося на Западе иудео-христианства.

Христианство, которое именовалось «дочерним предприятием иудаизма», «предбанником иудейского рабства», было представлено не просто чуждой и навязанной русскому духу религией - оно, оказываясь, сознательно губило и погубило самобытную русскую культуру, насчитывающую якобы несколько тысячелетий и по праву стоявшую вровень с самыми великими цивилизациями человечества. Строились все эти откровения на появившейся в русской эмиграции так называемой «Влесовой книге». Эта историческая фальшивка неоднократно разоблачалась русскими филологами, и тем не менее, начиная с 1976 года, во всех изданиях, контролируемых издательством «Молодая гвардия», а также в ряде других изданий (среди них массовотиражные «Огонек», «Неделя» и «Техника молодежи») шла активная пропаганда этого «великого культурного памятника» русского народа. «Памятник» этот якобы доказывал праисторическую связь русских с арийскими племенами, ибо прародителем славянских племен был некто Ой, в другом произношении Орий, или Арий. Постепенно этот русско-арийский миф с его пафосом ненависти к иудео-христианской цивилизации обретал зримые черты новой мифологии нацистского типа. Патриотический смысл этих построений сводился к переносу индоарийских корней с немецкой почвы на русскую, к замещению мифа XX века мифом XXI века. Это определение, равно как и открытие (в 1986 году) самого феномена русско-арийского паранацизма принадлежит Майе Каганской. Она же обратила внимание исследователей на группу авторов-фантастов, использующих жанр для пропаганды «самых экстремальных фабул мистического расизма и антисемитизма». Хотя ариософские фабулы вместе с «Влесовой книгой» вроде бы не укладывались в анализ «классовой сущности сионизма», тем не менее Корнеев внес в список сионистских преступлений «очернение» русского культурного наследия, включая «Влесову книгу». Заинтересованность партийно-государственных антиссионистов в паранацистской ариософии, в ее творцах и потребителях выразилась и в курируемой ими издательской политике. Только один пример. Роман-эссе Чивилихина «Память», посвященный «доказательствам» арийских корней русского народа как ведущего народа индоевропейской расы, с 1978 по 1985 год был издан общим тиражом 6 млн 130 тыс. экземпляров.

В постсоветское время (1990-е годы и позже) этот русско-арийский языческий миф получил довольно большое распространение в качестве идеологии (вместе и наряду с чисто нацистской, насаждаемой путем распространения переведенных на русский язык “Mein Kampf” и т.п.) нео-нацистских групп российских штурмовиков – таких, как РНЕ /ныне распавшееся/, венеда, скинхеды и т.п. По большому счету, как эти группы, так и вдохновляющий их “миф XXI века”⁵¹ вряд ли обретут самостоятельное место в политико-идеологическом спектре путинской России, хотя они не уходят со сцены, выполняя, очевидно, кому-то и почему-то нужные роли.

Как известно, идеология становится материальной силой, если ею руководятся влиятельные группы, способные прийти к власти или на власть влияющие, или при власти находящиеся. С этой точки зрения может стать общественно опасной идеология неоевразийства, ибо она: а) заимствуя из нацизма его мистику и антизападническую геополитику, трансформирует их в союзный исламу антиамериканизм; б/ преимущественно связана с русско-имперским мессианством, то есть достаточно прочно укоренена в культурно-исторической традиции; в) пользуется авторитетом у высшего офицерства и у влиятельных чиновников, при поддержке которых была организационно оформлена («Общероссийское политическое общественное движение Евразия» было учреждено в апреле 2001 года, партия “Евразия” зарегистрирована в 2002 году); г) благодаря огромной популярности евразийских идей и широкому их спектру (включающему, надо отметить, и конструктивные историко-культурные и политические идеи) обладает общественно значимым резонансом.

Формирование неоевразийства, как и других советских паранацистских идеологий, тоже началось в агонизирующей советской империи, но значимость его, в отличие от них, на протяжении постсоветской истории постоянно возрастала. История паранацистской версии неоевразийства во многом совпадает с биографией одного из ее главных разработчиков Александра Дугина (1962 г.р.). В 1980 году он входит в подпольный “Черный орден SS”, учрежденный поэтом Евгением Головиным. Члены ордена переняли нацистское приветствие, иерархию и звания, причем сам Головин взял себе звание рейхсфюрера. Тогда же в «Ордене» появляется российский провозвестник исламизма Гейдар Джемаль, долгие годы пребывавший в единомышленниках Дугина. Став убежденным сторонником мировой исламской революции и персонально аятоллы Хомейни, Джемаль утверждал: “Ислам - это последний военно-политический ресурс человечества в борьбе против американизма и навязываемого им нового мирового порядка, это -

---

⁵¹ Термин «Миф XXI века», равно как и открытие в 1986 году самого феномена русского неоарийства принадлежит М.Каганской. См.: Каганская М. «Влесова книга»: история одной фальшивки. Евреи и еврейская тематика в советских и восточноевропейских публикациях. Бюллетень Центра по исследованию восточноевропейского еврейства. Январь 1987, № 3-4.

единственное реальное религиозно-политическое освободительное мировоззрение, которое можно противопоставить процессам глобализации”. Дугин, адаптируя тезисы Джемалея к русской истории, делал свои открытия: “Чингис-хан, - писал он,- принес русским свободу от ярма Запада и передал им основы государственного аппарата для управления Евразией”. Это, правда, не совсем «открытие» - Дугин тут конкретизирует взгляды канонизированного своими единомышленниками Льва Гумилева, поведавшего, что татаро-монгольского ига не было вообще, а было иго хазарское, то есть еврейское. В 1989 году Дугин на базе “Черного ордена СС” создает Историко-философский центр “ЭОН” и чуть позже - Историко-религиозную ассоциацию “Арктогея” и одноименное издательство, выпускающее сочинения европейских “новых правых”, книги Рене Генона, Юлиуса Эволи, книги самого Дугина. В 1990-92 годах он работает в секретных архивах КГБ, доступ к которым ему устроил отец, сотрудник Главного разведывательного управления Генштаба. Там Дугин познакомился с трофейным нацистским архивом “Ahnenerbe” - института “Наследие предков”, принадлежавшего СС. (Институт этот занимался разработками расовой доктрины и “антропологическими исследованиями”, включавшими опыты на заключенных в концлагерях.) В сентябре 1993 года по инициативе Дугина российское телевидение показало цикл передач о нацистской эзотерике, материалы нацистского архива нашли отражение в статьях и книгах Дугина.

С начала 1990-х годов Дугин начинает выпуск эзотерических альманахов “Милый ангел” и “Гиперборея” и журнала “Элементы. Евразийское обозрение”, в которых разворачивает последовательную пропаганду паранацистских идей “консервативной революции” [то есть насильственного переворота как единственно возможного пути возвращения к “традиции”]. В «Элементах» печатаются статья видного теоретика раннего нацизма геополитика Карла Хаусхофера (републикация статьи 1943 года: Гитлер должен блокировать Средиземное море и овладеть Ближним Востоком) и “Тезисы Жана Тириара” (СССР - наследник Третьего рейха, Российская империя должна охватить всю Евразию - от Владивостока до Дублина.) У старых евразийцев 20-х годов /Н.Трубецкой, П.Савицкий, П.Сувчинский, Г.Флоровский/ Запад прочно ассоциировался с романо-германским миром. У неоевразийца Дугина этот мир является частью Евразии.

Главная унаследованная от исторических предшественников задача – это подготовка к последней битве – «планетарный Endkampf», который победно завершит тайную войну континентов – Евразийского и Атлантического.

Грядущий Endkampf – это реванш «наших». «Наши» – это «эсхатологический фронт Континента,... западной провинцией которого является сама Европа, наша Европа, противостоящая Западу Европа Традиции, Почвы, Духа. Наши – это и католики, и православные, и мусульмане, и индуисты, и даосы, и ламаисты, и язычники, и агностики, и мистики... Но лишь те из них, которые преданы Контин-

ненту Востока, его таинственной и неизведанной Судьбе». В основе такого рода декламаций лежат идеи Рене Генона (1866-1951, завершившего свои духовные поиски обращением в ислам) о некоей «примордиальной» культуре, существовавшей в древней северной прародине ариев – Гиперборее. К этой дохристианской и, по существу, языческой основе Генон, а следом за ним и Дугин возводит все те «сакральные традиции», которые полностью утратила профанная западная цивилизация. Эти откровения вполне согласуются с нацистской апологетикой «примордиального» язычества и антизападничества.

В этой связи напомним, что “Запад” в манихейском мире Дугина перемещается за море и океан – мировое Зло олицетворяют “атлантисты”, т.е. «страны моря» - США и Великобритания. После распада СССР воплощением атлантизма объявляется «Новый мировой порядок», устанавливаемый США. Таким образом лейтмотивом евразийства становится антиамериканизм. Отсюда и миссия России – возглавив весь евразийский мир, освободить Европу от “американской оккупации”.

Дугин неоднократно повторяет, что враждебный Евразийству Атлантизм - это протестантский иудеохристианский Запад. В своей программной работе “Цели и задачи нашей революции” Дугин говорит, что его «консервативная революция носит “антииудейский и антииудео-христианский характер”. Таким образом, Дугин с опорой на «примордианскую» арийскую Гиперборею, в сущности, продолжает антихристианский бунт нацизма, который Томас Манн определил как “еще одно восстание непобеденных языческих инстинктов против установленных десятью заповедями ограничений”.

Вернемся, однако, к послужному списку «интегрального традиционалиста». Осенью 1988 года Дугин, как и Джемаль, стал членом Центрального совета НПФ “Память”, но спустя несколько месяцев Васильев исключил обоих, обвинив их за «умствования» в «жидовстве». К слову сказать, Дугин неоднократно подвергался нападкам со стороны прямодушных антисемитов – и «марксистов», и православных, и национал-большевиков, и баркашовцев, хотя с двумя последними какое-то время сотрудничал в качестве идеолога этих движений. С 1991 года Дугин входит в редакцию и становится активным автором одиозно антисемитской газеты “День”, после путча 1993 г. переименованной в “Завтра”. В 1999 он разрабатывает программные и идеологические документы для движения «Россия», возглавлявшегося Геннадием Селезневим. Будучи тогда спикером Думы, Селезнев рекомендовал включить “геополитическую доктрину в программу российских школ”. С 1997 года Дугин сотрудничает с журналом министерства Обороны РФ «Ориентиры», курирует газету ФСБ «Российский спецназ», чуть позже становится председателем «Центра геополитических экспертиз» при Совете по национальной безопасности. В течение трех лет он преподавал в Академии Генштаба Россий-

ской армии, где до сих пор учатся по его учебнику “Основы геополитики. Геополитическое будущее России”.

Уже при Путине в мае 2001 года состоялся учредительный съезд движения «Евразия». В связи ли с профессиональной родословной президента или по существу самого события – создания такого движения - российские комментаторы писали о поддержке «Евразии», «которая идет через региональные организации спецслужб... Причем это не только финансы, но и нужные связи, оказание содействия, доступ к соответствующей информации со всеми вытекающими последствиями» / «Версия» № 19, 29 мая-4 июля, 2001/. Дугин подтверждает: «Да, у нас есть значительное число ветеранов спецслужб. Это пассионарные, умные и деловые люди – элита нашего государства» / «Независимая газета» № 22, 2001/. Альянс организационный предполагает единомыслие. Лозунг съезда «Освободить Европу от американской политической, экономической и культурной оккупации!» встретил понимание в опорных для движения кругах. «Идеи евразийства, писала та же «Версия»- в грубой антиамериканской форме в среде высокопоставленных чекистов сегодня действительно присутствуют».

Кто же призван противостоять экспансии «американского мирового порядка»? Следуя своему кредо интегрального традиционалиста, Дугин провозгласил Союз традиционалистов всех конфессий. Особое место в этом союзе предназначается мусульманам. Спустя три недели после ее регистрации «Евразия» проводит в роскошном «Президент-отеле» международную конференцию «Исламская угроза или угроза исламу», среди участников которой послы стран Ближнего Востока, представители кремлевской администрации и представители различных конфессий. Общее мнение участников – угроза существует прежде всего для ислама и исходит она от тех, кто под влиянием атлантистов отождествляет весь ислам с ваххабизмом, который тоже поддерживается атлантистами. Как на конференции, так и на съезде большинство выступлений начиналось и заканчивалось изобличениями США и сионизма. В своей речи на съезде верховный муфтий РФ Талгат Таджуддин в весьма знаменательном контексте помянул и Европу: «Сегодня в Англии, - сказал он, - из 50 миллионов пять – мусульмане . Хороший десант».

При всем этом на учредительном съезде Евразии не обошлось без евреев – свои приветствия от евреев России прислал Берл Лазар, а из Израиля – Авраам Шмулевич. Этим декларативным выступлениям предшествовали любопытные публикации в прессе – российской и израильской. 30 января 2001 года в «Независимой газете» публикуется статья израильского экстремиста, осужденного за противоправные действия Авигодора Эскина, призывающего российских и израильских идеологов объединить усилия в разработке неоевразийского проекта, «отторгающего приверженность тупиковым либеральным мондиалистским привязанностям прошлого». В январе же в приложении к израильской газете «Вести» печатается большое интервью Шмулевича с Дугиным, следующее интервью,

тоже взятое Шмулевичем, публикуется в приложении к израильским «Новостям недели» 1 марта. Эта же газета в номере от 29 марта, то есть за месяц до учредительного съезда Евразии, перепечатывает еще одно интервью Дугина из интернет-издания «Русский журнал». Во всех этих материалах основная тема – отношение евразийства и самого Дугина к Израилю и к евреям. Как крайний противник западной либерал-капиталистической цивилизации, «в основе которой принято различать еврейские черты», Дугин негативно относится к прозападно ориентированным евреям, признавая, что они составляют большинство евреев галута. Но с последователями «иудейского традиционализма и фундаментализма» он выражает полную солидарность. Также положительно он относится к «религиозному сионизму, к еврейским социалистическим тенденциям». И вообще с израильянами, которые «мыслят себя не гражданами мира, а гражданами своей собственной страны, ... у русских патриотов очень много общих точек соприкосновения. И самое главное – общий враг: новый мировой порядок, утилитарный планетарный плавильный котел... Наше общее обращение к евразийской логике может дать колоссальные результаты». Какое же место в этом по евразийски обустроенном двуполярном мире отводится террористическому исламизму? У Дугина готова для него антиамериканская индульгенция: события 11 сентября объясняются, заявил он в телеинтервью, естественной, хотя, быть может, чрезмерной реакцией против однополярного мира, устроенного по американской модели.

«Кому выгоден теракт?» называлась статья Дугина по поводу теракта в театре на Дубровке /«Литературная газета», октябрь 2002 года, №42/. «Евразийская логика», обращение к которой сулит израильянам «колоссальные результаты», работает в полную силу. «Это была, - утверждает Дугин, - настоящая попытка переворота, учиненная той частью американского истеблишмента и кадровых сотрудников ЦРУ, которые опасаются, что при Путине Россия воспрянет...» Так с помощью своей «конспирологии» Дугин пытается противодействовать наметившемуся было сближению России с Америкой. Впрочем Дугин этого и не скрывает. Своими надеждами он делится с единомышленниками, выступая на Всемирном русском народном соборе. «Но стоит задуматься, не эфемерно ли сближение России с Америкой, последовавшее после трагедии 11 сентября, так ли уж прочна и надежна широкая антитеррористическая коалиция, на которую мы уповаем. Не рассыплется ли она, если выпадет из нее один кирпич? Не обязательно арабский. Выпасть может и Россия – все зависит от того, кем в конечном итоге формируется государственная идеология». Вот это «одеяло» – формирование государственной идеологии – Дугин стремится перетянуть на себя.

Есть ли у него шансы на это? Российский историк Евгений Мороз в своей работе «Соблазняющие власть: евразийский фантом»⁵² приходит к выводу, что не-

---

⁵² Мороз Е. Соблазняющие власть: евразийский фантом. Барьер. Антифашистский журнал. С.-Петербург, 2002, № 7, с. 47.

оевразийство «по разным причинам очень привлекательно для значительной части российской политической и религиозной элиты и что геополитические теории Дугина сохраняют многочисленных поклонников». Что же до самого Путина, то евразийство, считает Мороз, «всего лишь одна из запасных карт в политической колоде президента, и после терактов в Нью-Йорке и Вашингтоне надобность в этом ресурсе явно исчерпалась». Цитируемая статья была опубликована до войны в Ираке, реакция на которую российского истеблишмента и общества показала, что надобность в этом ресурсе далеко не исчерпана. То же можно сказать и о поддерживаемой значительной частью россиян политике властей в отношении производства атомного оружия в Иране. Антиамериканизм – козырная карта неоевразийства, уходящего корнями в советское и нацистское антизападничество, - представляет собой ресурс, обретающий взрывоопасную силу в нашем дуальном мире, где антиамериканизм однозначно сопряжен с происламизмом.

Опасность дугинского евразийства в том влиянии, которое оно оказывает на усиление антиамериканских установок в опорных для власти кругах военного и политического истеблишмента, в его влиянии на рост антиамериканских умонастроений электората, что в конечном счете может сказаться на выборе того или иного направления в политике Путина. Сейчас она напоминает знаменитого Тянитолкая о двух головах, и от того, в какую сторону они будут повернуты, во многом будет зависеть не только то, что происходит в самой России, но и ее роль в мировой политике, расстановка и соотношение сил на мировой арене. С учетом того судьбоносного обстоятельства, что основную тяжесть вооруженной борьбы с исламизмом и культивируемым им террором взяли на себя США.

Подытоживая, несколько слов о том, какую роль играют в современном мире советские и постсоветские нацифицированные идеологии. Из «общественной самодетальности»: первая – русское языческое арийство – хотя находит новых выразителей и потребителей, вряд ли утратит свой маргинальный характер; вторая – неоевразийство – играет неизмеримо большую роль. Но и ее сфера деятельности ограничена, по существу, внутрисоветским пространством, если не считать возможного влияния культивируемого ею антиамериканизма на формирование государственной политики. Зато государственная идеология нацифицированного антисиионизма, в значительной мере утратив свои позиции внутри страны, переживает реинкарнации и в мессианском исламизме и в примыкающем к нему западном леволиберализме. Посмотрим, как это происходит.

4. Нацификация и советизация исламизма

Напомню, что под нацификацией и соответственно советизацией понимается процесс освоения основополагающих нацистских и советских идеологием в системе аргументации «коренной» идеологии, в данном случае исламизма.

В сегодняшней литературе можно часто встретить термин «исламо-фашизм» (хотя об «исламо-советизме», насколько мне известно, не пишет никто), но этот термин сбивает с толку, поскольку фиксирует как бы уже сложившийся предмет, составленный из двух половинок. Между тем на самом деле мы имеем сегодня дело со все еще продолжающимся процессом гибридизации, сращивания сразу нескольких различных идеологий, и в этом процессе создается не механическая смесь, а напротив - органическое образование, в котором осваиваемые идеи обретают новую эффективность благодаря их трансформации применительно к основным целям новых идеологий.

Как уже говорилось, преемственная связь и взаимодействие исламизма с нацизмом фиксируется многими исследователями. Термин «исламо-фашизм» широко использует, например, Фрэнсис Фукуяма, говоря о современном радикальном исламизме, продемонстрировавшем глобальность своих целей и свою истребительную стратегию террористическим нападением шахидов на США 11 сентября 2001 года. В статье «Началась ли история опять?»⁵³ американский политолог пишет, что после 11 сентября возникла новая ситуация, породившая сомнения в правильности его вывода о «конце истории». Формулируя этот вывод, Фукуяма полагал, что достиг кульминации тот этап истории, который характеризовался сменами форм правления, - падение коммунизма открывало путь глобализации либеральной демократии и рыночной экономики. Историческая перспектива, считает он, в принципе таковой и остается, однако 11 сентября поставило такие вопросы, от действенного ответа на которые зависит не только направленность мирового исторического процесса, но и выживание самого человечества. «Наблюдаем ли мы,- спрашивает он,- начало длительного столкновения цивилизаций, в котором Запад противостоит исламу, ... или же нынешний конфликт сойдет на нет, и мы вернемся на путь все более интегрированной глобальной экономики, как только избавимся от Осамы бин-Ладена и террористических сетей? Будут ли те же самые технологии, которые, казалось, содействовали распространению демократии, повернуты против нас- так, что мы не сможем полностью это предотвратить?» Все это сводится к более общему вопросу: «Каким будет движение истории теперь?»

---

⁵³ Fukuyama F. Has History Started Again? Policy, vol. 18, № 2, Winter 2002.

К сожалению, констатирует Фукуяма, в историческом процессе не существует ничего неизбежного. “Борьба между западной либеральной демократией и исламо-фашизмом не является борьбой между двумя одинаково созидательными культурными системами.” Чтобы западная система могла реализовать свои преимущества, ее руководители должны усвоить уроки истории и прежде всего то, что “германский фашизм не рухнул из-за своих внутренних моральных противоречий - он был уничтожен, потому что Германия была разбомблена до основания и оккупирована союзными войсками”. Из этого следует вывод, что судьба Западна напрямую зависит от успешности военных операций против “Талибана”, “Аль-Каэды”, всего исламо-фашизма.

Направленность и решительность практической политики во многом определяется пониманием самой природы конфликта. Фукуяма утверждает: борьба идет не просто с бандами террористов, но “охватывает всю общность радикальных исламистов и мусульман, для которых религиозная идентичность затмевает все другие политические ценности, ...а мир предстает как война верных против неверных”. После 11 сентября усиливается влияние исламо-фашизма: выступивший против США Бин-Ладен пользуется симпатиями во всем мусульманском мире. Его сторонниками, пишет американский историк, может считаться вся радикализованная часть мусульманского населения, которая, по оценкам специалистов, составляет до 15 процентов мусульманского мира. Эти люди, пишет Фукуяма, праздновали 11 сентября “как унижение общества, которое, по их представлениям, порочно по самой своей сути”. Вызов, перед которым оказались США и другие западные страны, резюмирует он, это “идеологический вызов, который в некоторых аспектах является более фундаментальным, чем вызов коммунизма”.

Фрэнсис Фукуяма не проводит четкой грани между понятиями “исламизм” и “ислам”, но, с добавлением к последнему уточняющих определений “фундаменталистский” и “радикальный”, он употребляет эти понятия как синонимы. И именно обозначаемый этими синонимичными понятиями феномен Фукуяма определяет как исламо-фашизм. Между тем для уяснения сущности исламизма в этом качестве, то есть как некой версии фашистской идеологии, выявление различий между исламом и исламизмом представляет особый интерес. Обоснованию этих различий посвящена работа американского историка и востоковеда Даниэля Пайпса “Ислам и исламизм. Вера и идеология”.⁵⁴

Традиционный ислам, утверждает Пайпс, это религия, “он учит жить по законам Бога”. А исламизм - это современная идеология, которая мобилизует своих адептов на создание нового порядка - “основанного на вере тоталитаризма.” Исламизм формируется как реакция на травмы ислама, как ответ на упадок основанной на нем культуры, упадок, который приобрел особенно болезненные формы на фоне достижений послевоенного Запада. Против него и направлено острое

---

⁵⁴ Pipes D. Islam and Islamism. Faith and Ideology. Policy, vol.18, №1, Autumn, 2002.

исламизма. Однако вопреки установившимся подходам, утверждает Пайпс, исламизм, несмотря на то, что он ратует за жизнь по законам шариата, неверно было бы трактовать как просто фундаментализм, как только путь назад. В качестве современной идеологии исламизм нацеливает своих последователей на модернизацию, но модернизацию избирательную, подчиненную главной цели - созданию основанного на вере исламизированного тоталитаризма.

Отношение исламистов к традиционному исламу отмечено той же избирательностью и тем же потребительством, что и их отношение к модернизации. Тексты Корана, пишет Пайпс, модифицируются в соответствии с идеологическими нуждами исламистов, так что в результате формируется нечто, напоминающее протестантскую версию Корана.

“На деле же, - утверждает Пайпс, - исламизм представляет собой исламскую версию радикальных утопических идеологий нашего времени, следующих в фарватере марксизма-ленинизма и фашизма.” Подобно этим идеологиям, исламизм видит в государстве главное орудие осуществления своих далеко идущих планов по противодействию и, в конечном счете, покорению Запада с помощью и на основе западных же достижений - технических, экономических и политических /демократии/. Своих целей исламисты добиваются, считает Пайпс, благодаря высокой организованности “ядра”, расширяющейся сети террора и сильнейшей мотивации, основа которой - постоянно нагнетаемая ненависть к Западу, в первую очередь к Америке, к Израилю и к евреям вообще.

Анализируя преемственную связь между исламизмом и его идейными предшественниками, Пайпс, как и Фукуяма, в контексте рассмотренных работ не касаются связей исламистского антисемитизма с нацистским. (Советский антисемитизм в этом контексте, понятно, не упоминается вообще.) Между тем именно антисемитская нацеленность во многом определяет типологическое родство исламизма с “радикальными утопическими идеологиями нашего времени”, и именно заимствование и трансформация нацистско-антисемитских и советско-антисемитских идей составляет сущность процесса нацификации и советизации исламизма и панарабизма.

Однако в последние годы появилось и много публикаций, специально посвященных исламистскому антисемитизму и его связям с нацистской идеологией и с так называемым “классическим” антисемитизмом (хотя при игнорировании советского). Работа израильского историка Роберта Вистрича “Исламский антисемитизм. Насущная угроза современности”⁵⁵ дает некую обобщающую картину ведущихся в этом направлении исследований и одновременно разносторонне представляет исследуемый феномен. Опираясь на анализ многочисленных работ “теоретиков” исламизма, а также масс-медиа практически всех арабских стран

---

⁵⁵ Вистрич Р. Исламский антисемитизм – насущная угроза современности. Рукопись /англ./, Иерусалим, 2004.

(включая Египет и Иорданию, подписавших мирный договор с Израилем), проф. Вистрич доказывает, что “фундаменталистский ислам обнаруживает ту же тоталитарную псевдомессианскую устремленность к мировой гегемонии, что и германский нацизм и советский коммунизм”. Исламизм использует порой замаскированную, но чаще ясно выраженную геноцидальную риторику в своих обвинениях “еврейско-крестоносной” цивилизации, риторику, в которой явно слышится эхо прошлого. “Еврейско-крестоносная” - это прозрачный эвфемизм общепринятого понятия иудео-христианской цивилизации Запада, беспощадную войну которой объявил в свое время нацизм. Подобно нацистам, пишет проф. Вистрич, мусульманские радикалы тоже культивируют непримиримую ненависть к Западу и к евреям. Выступая против анонимных сил глобализации, они трансформируют нацистские мифы о плутократическом Западе и мировой экспансии евреев в свои измышления об устремленных к мировому господству “еврейском Нью-Йорке” и еврейском государстве. Америка и Израиль представлены как реинкарнации дьявола - “большого” и “малого.” Антисемитские версии “еврейского заговора”, подчеркивает Вистрич, становятся стержнем мировоззрения мусульманских фундаменталистов и арабских националистов. Заимствованные из нацизма сюжеты и персонажи - международное еврейство, плутократический Запад, франкмасонство, коммунизм (но не в нацистском контексте, а в связи с войной в Афганистане) - вкуче с Израилем представлены как силы Зла, нацеленные на разрушение ислама и культурной идентичности всех верующих в него. Отсюда следуют и призывы к “радикальным решениям”, которые, пишет Р.Вистрич, вызывают “болезненные ассоциации с решениями 30-х - 40-х годов”. Заимствования из нацизма обретают особую действенность благодаря контекстуальному их соединению с соответствующими максимумами из Корана. Полученная в “процессе исламизации” (термин Р.Вистрича) антисемитско-антизападная доктрина успешно используется для мобилизации шахидов, для освящения суицидального и всех других видов исламистского террора.

Обнажая историко-культурные, собственно мусульманские и нацистские истоки исламистского антисемитизма, проф. Вистрич всей своей работой опровергает широко распространенное мнение, согласно которому арабо-мусульманский “антисионизм” есть нечто принципиально отличное от антисемитизма, что он всего лишь реакция на “захватническую” политику Израиля. Опровергая это “заблуждение” (оно настолько не согласуется с лежащими на поверхности фактами, что трудно не назвать его добровольным), проф. Вистрич досконально анализирует множество контекстов и текстов (мировоззренческих, политических, литературных, пропагандистских, выраженных вербально и визуально), опубликованных на арабском и практически на всех европейских языках (при активном участии западных авторов), из которых явствует, что идейные истоки мусульманского антисемитизма гораздо глубже политически ориентированного злободневного

“антисионизма”, а общие притязания исламизма и панарабизма принципиально не сводимы к какой бы то ни было прагматической программе решения арабо-израильского конфликта. (Хотя нельзя не признать катализирующее влияние этого конфликта на всю идеологическую ситуацию и на ее обострение с сентября 2000 года, положившего начало тому этапу глобального противостояния, кульминацией которого стало 11 сентября 2001 года). Само использование нацистских, нацеленных на истребление еврейства идеологием, подкрепленных извлечениями из Корана, достаточно убедительно доказывает экзистенциальную направленность исламистского “антисионизма.” Об этом же красноречиво говорит повсеместная пропаганда переведенных на арабский язык и недавно экранизированных в многосерийном египетском телесериале “Протоколов сионских мудрецов”.

Истинная антисемитская сущность феномена, закамуфлированного под “антисионизм” и “антиизраилизм”, обнаружилась на уже упоминавшейся Всемирной конференции под названием “Против расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и нетерпимости”, начавшейся в Дурбане (ЮАР) 31 августа 2001 года и закончившейся 7 сентября, то есть за четыре дня до мега-теракта в США. То, что происходило в Дурбане, не просто предшествовало 11 сентября - это была подготовительная канонада к нему. На этом знаменательном форуме единым фронтом выступили делегаты из мусульманских стран (в большинстве из них до сих пор сохраняются диктаторские, деспотические по отношению к собственному населению режимы), потребовавшие не только осуждения “расистского сионистского образования”, но его делегитимизации и уничтожения. Тон задал Ясир Арафат, поддержанный не только делегатами от мусульманских стран, но и мастодонтом коммунистического мира Фиделем Кастро. Делегат из Ирана назвал сионизм “величайшим проявлением расизма” и потребовал вычеркнуть антисемитизм из официального перечня проявлений современного расизма. Египет поставил ультиматум - он не проголосует за резолюцию, если в ней Израиль не будет объявлен расистским государством. В ряде выступлений сионизм сравнивался с нацизмом. На обсуждение был поставлен вопрос о том, как писать слово Холокост - с большой или маленькой буквы. Некоторые делегаты пошли дальше, утверждая, что гитлеровский геноцид - это вымысел, сфабрикованный израильской пропагандой. В ходе конференции выяснилось, что единомыслие борцов против “расизма” было хорошо отрепетировано - руководящие материалы для делегатов от исламских стран были разработаны на подготовительном совещании, состоявшемся в феврале 2001 года в Тегеране. По этим материалам и была принята официальная декларация дурбанской конференции, в которой Израиль обвинялся в “расизме нового рода”, в колониализме, военных преступлениях, расистских преступлениях против человечества, геноциде, этнических чистках и массовых нарушениях прав человека. Документ призывал к восстановлению действия резолюции ООН о приравнивании сионизма к расизму, принятие которой в 1975 го-

ду организовал СССР. Резолюция, признанная мировым сообществом позорной, была отменена Генеральной Ассамблеей ООН в 1991 году. Но времена меняются. Среди организаторов дурбанской конференции был и нынешний генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, который надеялся (так писали потом), что в Дурбане не повторится история подобных форумов 1978 и 1983 гг., -США и Израиль их бойкотировали, протестуя против антиссионистской повестки дня. Но история повторилась. В знак протеста против антиизраильской декларации и антиамериканских выступлений, сопровождавшихся обвинениями стран Запада вообще, США и Израиль покинули дурбанский шабаш. Ни одна из делегаций европейских стран не последовала их примеру, и это поведение оказалось весьма симптоматичным.

Весь ход Дурбанской конференции показал, что она не просто вернулась к отдельно взятой антиссионистской резолюции советских времен. Материалы конференции, ставшие своеобразной сублимацией исламизма, позволяют утверждать, что не одиночные, а все основные используемые исламистами идеологемы непосредственно заимствованы из советского нацифицированного антиссионизма, активная разработка и интенсивное распространение которого началось и продолжалось после Шестидневной войны, то есть совпало с периодом самых тесных и разносторонних взаимодействий СССР с арабским миром, с периодом интенсивной их “дружбы против США и Израиля”.

К этим, заимствованным исламизмом советским идеологемам, которых нет и не могло быть ни в нацистских, ни в мусульманских источниках, относятся:

- 1) отождествление сионизма с еврейством - народом и его религией- и создание на этой основе “антиссионистской” версии расизма;
- 2) приравнение сионизма к расизму;
- 3) объявление сионизма современным фашизмом - “фашизмом под голубой звездой”, отождествление его с нацизмом;
- 4) представление Израиля как государства апартеида и обвинение сионистов в повсеместном и злостном нарушении прав человека;
- 5) ревизия Катастрофы, отличающаяся от западных ревизионистских версий обвинением сионистов в сотрудничестве с нацистами и, более того, в “планировании” Катастрофы с ее шестью миллионами жертв;
- 6) отрицание существования евреев как народа и соответственно их права на национальное государство;
- 7) представление международного сионизма как силы, главенствующей в западном мире, состоящей в неразрывном альянсе с американским империализмом;
- 8) советская нацифицированная версия «Протоколов»-объявление отождествляемого с еврейством сионизма-фашизма “врагом всего прогрессивного человечества”, первоочередной задачей которого должна стать уничтожительная борьба

против плетущего всемирный заговор и устремленного к мировому господству “сионизма”.

Простое сравнение текстов - антиссионистских и исламистских - не оставляет сомнения, что именно из советского первоисточника были заимствованы все перечисленные выше идеологемы, модифицируемые ныне применительно к экспансионистским целям исламизма. Но этим заимствование не исчерпывается. Вместе с основными идеями нацифицированного антиссионизма берется на вооружение и досконально разработанная в советской идеологии техника гуманистического камуфляжа (достаточно вспомнить Дурбанскую конференцию “против расизма...”), обеспечивающая исламизму, как в свое время советизму, активную поддержку леволиберальных сил Запада, выступающих под знаменем политкорректного “антиизраилизма”.

5. Западный антиизраилизм

Кто они – западные «антиизраилисты»?

Зададимся вопросом – получает ли исламизм, именуемый, как мы видели, исламо-фашизмом, поддержку и со стороны традиционных и откровенно антисемитских праворадикальных и неонацистских группировок Запада и вообще кто является главным действующим лицом в мистерии западного антисемитизма и “антиизраилизма” последних лет?

В поисках ответа я намеренно ограничиваюсь европейскими документами – отчетами Центров, отслеживающих проявления ксенофобии и антисемитизма, и данными опросов населения ЕС.

31 марта 2004 года, то есть 20 дней спустя после мега-теракта в Испании, на заседании Европарламента в Страсбурге был заслушан очередной отчет действующего в Вене Европейского центра по отслеживанию проявлений расизма и ксенофобии. Согласно выводам отчета, большинство антисемитских акций в Европе совершают представители праворадикальных группировок. Так ли это? Выводы мартовского отчета подвергались сомнению, так как они явно противоречили аналогичному документу, представленному Еврокомиссии в конце 2003 года. Речь идет об отчете Центра по исследованию антисемитизма при Берлинском технологическом университете, снискавшем себе репутацию высоко профессионального исследовательского учреждения (создан в 1982 году). Согласно данным выполненного там по заказу Европейского центра полугодового исследования, основными носителями современной антисемитской идеологии являются

радикальные исламисты, исламские мигранты и связанные с ними пропалестински настроенные левые группировки, включающие антиглобалистов. К проявлениям антисемитизма был также отнесен определенный тип «политической критики» в адрес государства Израиль. Правые экстремисты тоже фигурируют в этом отчете, но остается открытым вопрос – мотивы их акций носят тот же антиизраильский и пропалестинский характер, что и у остальных трех групп?

Берлинский отчет называют “изъятым”, поскольку сам заказчик, то есть Еврокомиссия, отказался от его публикации. Одним из мотивов отказа была “антиисламская направленность” отчета. Главы Всемирного и Европейского советов еврейских общин Эдгар Бронфман и Коби Бентофф оценили это действие, назвав его “бездействием”, как потакание антисемитизму. Так же оценивалось ими и “действие” Еврокомиссии – публикация данных “подстрекательского”, как они считают, опроса общественного мнения (проведенного Институтом Гэллага в октябре 2003 г.), согласно которому 59% граждан ЕС считают Израиль главной угрозой мира на планете.

Лидеры еврейских общин правы: публикация этих цифр, также как замалчивание истинной роли исламистов и левых группировок в эскалации “антиизраилизма”, который они без обиняков называют антисемитизмом, имеет политическую подоплеку легко определяемой ориентации. Но вопрос в другом – кто же входит в эти 59% граждан ЕС, придерживающихся позиций «антиизраилизма»? Оказывается, из респондентов, назвавших Израиль главной угрозой миру, подавляющее большинство составляют люди с высшим образованием. Сколько же среди них может быть правых экстремистов, подвергающихся не просто осуждению, но остракизму в политкорректных академических кругах, категорически отвергающих *откровенно* националистические и любые иные явно выраженные профашистские тенденции? В лучшем случае единицы. Правда, правые могут находиться и среди “неакадемических” антиизраилистов, но это, как правило, потребители, а не производители политико-идеологических доктрин. Какую же позицию в отношении антиизраилизма занимают праворадикальные генераторы идей, среди которых немало политиков, не скрывавших своей приверженности идеям Гитлера. К таким, например, принадлежит австриец Херберт Швайгер, подвергавшийся судебным разбирательствам и тюремному заключению [в 1997 году] за свою деятельность по пропаганде неонацизма. На его примере можно видеть, какой радикальной ревизии мутировавшие неонацисты подвергают еврейский вопрос, относя теперь евреев к белой расе и объясняя их объединение в народ не расовой, а религиозной общностью. Происходящие перемены во взглядах они сами связывают с появлением Еврейского государства и его противодействием арабам. Об этом Швайгер говорил в интервью 2000 года, подчеркивая, что выражает позицию “активистов немецкого националистического движения”. “Для нас евреи Израиля – это народ, ведущий борьбу за свое существование... Безопасность

Израиля можно обеспечить лишь в том случае, если Европа будет достаточно сильной, чтобы пресечь экспансию мусульманского мира, который выступает против Европы уже не впервые.” Схожие идеи высказывал скандально известный Йорг Хайдер в том же знаменательном 2000 году. Произошло это после его вынужденного ухода из правящей коалиции, в которую возглавляемая им праворадикальная Партия свободы вошла после выборов 1999 года. Уйти из большой политики Хайдера вынудили массовые протесты как в самой Австрии, так и за ее пределами (Израиль отозвал своего посла), вызванные его откровенноантисемитскими и расистскими высказываниями. За политическим поражением последовал ряд покаянных выступлений Хайдера. Целенаправленной реабилитационной кампании очень поспособствовал журналист еврей Петер Зихровский, в 2000 году посетивший Израиль с целью разъяснить “истинную” позицию Хайдера. Все эти усилия увенчались успехом – возглавляемая им Партия свободы в марте 2004 года одержала победу на региональных выборах, оттеснив австрийскую Социал-демократическую партию. По оценкам, успех Хайдера был обеспечен отказом от деклараций расизма и одновременным форсированием проектов по усилению антииммиграционной политики. Схожая ситуация складывалась и у лидера французских праворадикалов Жан Мари Ле Пена, профашистская партия которого “Национальный фронт” получила почти 20 процентов голосов в первом туре парламентских выборов 2002 года. Но, как и первоначальный успех Хайдера, победа Ле Пена тоже оказалась Пирровой – его политическое продвижение было приостановлено массовыми манифестациями против расизма и открытого антисемитизма. Показательно, однако, что Ле Пен, как и Хайдер, в выступлениях последних лет начал говорить о своей поддержке Израиля в его борьбе с палестинским террором. Подобная переориентация наблюдается и в праворадикальном блоке Италии, лидер которого Джанфранко Фини принес извинения и выразил солидарность с Еврейским государством во время своего визита в Израиль, вызвавшего, кстати, резкую критику израильских левых кругов и довольно примиренческую реакцию правых.

Стоит при этом отметить, что функциональные симпатии к Израилю таких праворадикалов как Хайдер и Ле Пен не распространяются на еврейскую диаспору. “Классический” антисемитизм со сцены не уходит, и среди тех, кто претворяет его в дело, вполне могли находиться скинхеды и подобные им новоявленные штурмовики, на счет которых авторы упомянутого выше мартовского отчета Европейского центра относят большинство антисемитских акций в Европе. Но речь в отчете идет именно об акциях, а не о мотивации лиц, их совершающих. О ней же можно судить по пропаганде, потребляемой скинхедами, по лозунгам в их демонстрациях, по их граффити. Свастики [знак их принадлежности] на разгромленных еврейских памятниках рядом с израильским флагом не малюются – такое “родство” не может быть ими принято по определению. Стало быть, антиизраи-

лизм не входит ни в арсенал правоэкстремистских учинителей антисемитских акций, ни в пропаганду их вдохновителей. К слову сказать, этому способствует переключение органичной для экстремистских группировок ксенофобии на заполняющих “белую” Европу иммигрантов, в большинстве своем из арабо-мусульманских стран.

Возвращаясь к дрейфующим в сторону Израиля праворадикалам, стоит принять во внимание еще одно немаловажное обстоятельство - в Еврейском государстве они видят союзника не только в противоборстве с исламом, но и в своем противостоянии Америке. Нечто сходное с мотивацией неоевразийца Дугина. Тут их, как и его, разумеется, ждет разочарование. Но в контексте нашей темы важно другое – праворадикальный антиамериканизм сочетается с *произраилизмом*, в то время как леволиберальная оппозиция Америке идет в одной связке с *антиизраилизмом*. Что подтверждается данными приведенного выше опроса: 53 процента европейцев считают Америку угрозой миру. Как известно, в неразрывной связке “подрывников мира” и вообще главных злодеев США и Израиль фигурируют и во всей исламистской пропаганде. Получается, что леволиберальная позиция в чем-то существенном резонирует с исламистской, хотя просвещенная политкорректная Европа не допускает, конечно, к употреблению такие примитивные метафоры как “большой” и “малый дьяволы”.

Исходя из всех этих соображений, я думаю, правомерно заключить, что среди 59% респондентов, считающих, что Израиль представляет главную угрозу миру, подавляющее большинство составили леволиберальные интеллектуалы. Те самые, что задают тон в школах и университетах (кое-где объявляющих бойкот израильским ученым), в кино, театрах и литературных клубах, и, что самое важное, - в масс-медиа, ибо именно они определяют доминирующие в западном обществе политкорректные антиизраильские умонастроения значимой части электората. Нацизм и в его первородном виде, и в демонстративных неонацистских проявлениях отвергается леволибералами активно и, можно сказать, безоговорочно, о чем можно судить хотя бы по реакции на политические продвижения фигур типа Ле Пена или Хайдера. Но нацифицированный советизм, закамуфлированный под “антифашизм”, заглатывается теми же леволибералами без проблем, проступая затем обильной парасоветской сыпью “антиизраилизма”. Того самого, который всемерно способствует укреплению исламистов, нацеленных, как теперь уже очевидно, и на саму Европу.

Леволлиберальные реинкарнации советизма

«Антиизраилизм» часто называют новым антисемитизмом. Но это «новое» – не что иное, как хорошо забытое старое. Неуничтожимое «старое» – это все тот же советский нацифицированный антисиионизм, ставший ныне органической составной частью мессианского исламизма. Тот же антисиионизм проходит в последние годы очередную реинкарнацию в леволлиберальном антиизраилизме. Каждая из этих двух взаимосвязанных между собой современных реинкарнаций советизма – исламистская и леволлиберальная – имеют свою предысторию, следующую в фарватере послевоенной истории самого советизма.

Широкое общественное признание обеих этих реинкарнаций зиждется на их заемном «неоантифашизме», на мастерски афишированной всеми современными масс-медиа борьбе «за права человека» против преступно попирающего эти самые права «расистского», «фашистского» государства Израиль.

Откуда все это? Все оттуда же – из изобретенного советскими партидеологами «сиионизма-фашизма». Напомним – главной целью этого изобретения была в свое время реанимация СССР как лидера антифашистской коалиции. После разоблачений сталинизма из всего коммуно-гуманистического камуфляжа незыблемым оставался советский антифашизм, хотя на Западе далеко не всегда понимали, что ореол главного антифашиста эпохи, доставшийся Сталину ценой миллионных жертв победившего в войне народа, всегда служил прикрытием фашизации режима, включая репрессивную политику государственного антисемитизма. Сталинский и послесталинский советский «антифашизм» был и оставался типичной идеологией-оборотнем - оруэлловское правило называть все «с точностью до наоборот» соблюдалось ею неукоснительно и действовало безотказно. Но - с учетом меняющихся обстоятельств. Напомним о них - подавление начавшегося после разоблачений Сталина диссидентского движения внутри страны, военный разгром восстаний в сателлитных «народных демократиях», экспансия в третий мир и холодная война с «англо-американским империализмом» не могли уже проходить под прикрытием антигитлеровского антифашизма. Возникла настоятельная необходимость сменить гитлеровский фашизм новым «фашизмом» – всемогущим и вездесущим, претендующим не более и не менее как на мировое господство, у которого сами США «были бы уже на посылках». Еще Ханна Арендт определила, что назначение идеологий типа советской не в том, чтобы сокрушать оппозиции /они, как правило, мнимые/, а в том, чтобы их изобретать. Снова повторю – самым эффективным изобретением советской идеологии после поражения советского оружия в Шестидневной войне был новый фашизм – на этот раз “под голубой звездой”. Благодаря этому изобретению СССР действительно сумел сбить новую и необычайно живучую “антифашистскую” коалицию.

В борьбе с «фашизмом-сионизмом» единым фронтом выступили не только курируемые СССР арабские страны и большинство остальных стран третьего мира. К ним последовательно, на протяжении трех-четырёх последних десятилетий присоединялись обитатели западных стран – «новые левые», всех оттенков «зеленые», необычайно многоцветные антиглобалисты.

Может быть и не отдавая себе отчета в советском происхождении своего нового «гуманизма-антисионизма», представители левых движений сразу же после победы Израиля в Шестидневной войне переместили его в «лагерь мирового империализма и колониализма». Первыми на Западе (если не считать обветшавшие компартии) это провозгласили нигилистически настроенные «новые левые» конца 60-70-х годов. Представленные буйствующими студенческими движениями они сводили тогда к советизированной антиизраильской догматике свои постмодернистские прожекты мировой революции (декларированные в конце 50-х как альтернатива мировой революции «старых левых», дискредитированных разоблачениями сталинизма). «Новая» революция, идейно вдохновляемая бегущими, «задрав штаны, за комсомолом» интеллектуалами (Сартр и др.), была нацелена на достижение неограниченных «прав человека» и таких же неограниченных свобод – личных и всех меньшинств - социальных, национальных и сексуальных. Ревнителю «гуманизма без берегов» стали представлять Израиль как «преступную» силу, противостоящую их благим устремлениям. Вслед за советскими «неоантифашистами» западные «неогуманисты» провозглашали: «Израиль – расистское и экспансионистское государство, не имеющее права на существование» (Студенты за демократическое общество», США); «Сионизм – это религиозный фашизм» (Журнал «Социалистический лидер», Англия). Неудивительно, что при подобных установках новолевые «антифашисты» не только героизировали арабский террор (убийство израильских спортсменов на Мюнхенской олимпиаде), но и сами участвовали в антиизраильских терактах (Энтеббе). Немало способствовала этому инициированная СССР ооновская резолюция 1975 года – благодаря ей антиизраильский террор получил статус легитимной и морально оправданной борьбы с современным, пришедшим на смену нацистскому и родственным ему «расизмом-сионизмом».

Антиизраильская пропаганда резко усилилась после антитеррористической кампании в Ливане (1982 год), когда вслед за советской арабская и западная пресса – и не только крайне левая, но и часть либеральной – стала сравнивать действия израильской армии с практикой нацистов, а теракты ООП называть «новым сопротивлением».

Распад СССР и прекращение его существования, а вместе с ним и государственного продуцирования советского «неоантифашизма» никак не снизили накал парасоветского западного антисионизма. Сфабрикованная на стадии стагнации империи («застой») предсмертная доктрина советизма – паранацистский анти-

сионизм – не только не ушел вместе с СССР, но переживает, как мы видели, новые реинкарнации как в исламизме, так и в западном антиизраилизме.

Порожденные советизмом оруэлловские aberrации леволиберального зрения приняли особо парадоксальный характер в годы «мирного процесса» и в особенности после перехода сопровождавшего его террора в огнестрельную интифаду Аль-Акса, открывшую в сентябре 2000 года тот этап в антизападном наступлении исламизма, апогеем которого стало 11 сентября 2001 года. Многие не признавали, не признают и поныне, что оба сентября – звенья одной цепи, настаивая на том, что сентябрь 2000 года был не более, чем очередным этапом сугубо локального конфликта, который не находит своего решения по вине «фашиствующего» Израиля. Эту леволиберальную aberrацию не могли исправить заявления готового на беспримерные уступки экс-премьера Эхуда Барака, разъяснявшего потом, что не прекращавший террора Арафат, без обсуждения отвергавший все компромиссные предложения Израиля, наглядно продемонстрировал, что его истинной целью, целью ставленника арабо-мусульманского мира (без его разносторонней поддержки Арафат просто не мог бы развязать таких масштабов террористическую войну) является не создание палестинского государства и сосуществование с Израилем, а поэтапное уничтожение еврейского государства. То, что цели «интифады» далеко выходили за рамки локального конфликта, получило свое подтверждение как в эскалации превращавшейся в мировую суицидно-террористической войны, так и в организованном в Дурбане всеисламистском идеологическом фронте, развернутом не только против Израиля, но и против всего Запада, олицетворяемого США .

Напомню, что ни одна из европейских делегаций не последовала за делегациями США и Израиля, покинувшими «антирасистский» форум, послуживший прологом к 11 сентября. И это было продолжением того, что происходило в самой Европе. Синхронно с развертыванием глобальной террористической войны исламизма с Западом, которая велась под знаменами парасоветского антиссионизма, в самих западных странах наблюдается беспрецедентный рост пропалестинских и соответственно антиизраильских выступлений и публикаций. Рост этот, ставший особенно заметным после сентябрьской 2000 года атаки на Израиль, парадоксальным образом ускоряется после мега-теракта 11 сентября 2001 года. Солидарность европейских леволибералов с антиизраильским террором в соответствии с теми же парасоветскими рецептами маскировалась протестами против «военных преступлений» Израиля, любая антитеррористическая акция которого все беспардонней отождествлялась с преступлениями нацистской Германии. Показательно, что это небескорыстное отождествление сионизма с нацизмом формировало платформу, объединяющую политкорректных леволибералов не только с исламистами, но и с ревизующими Катастрофу откровенно некорректными неонацистами. Характерно также, что как в свое время отождествление сионизма с на-

цизмом оруэлловски маскировало нацификацию советской идеологии, так и теперь оно политкорректно прикрывает исламизацию Европы, чреватую ее неофашизацией. И также, как в свое время оруэлловски замаскированная нацификация советской идеологии была симптомом стагнации империи, так и политкорректный камуфляж исламизации Европы знаменует появление дегенеративно самоубийственных тенденций в современном европейском обществе. Об этой смертельно опасной тенденции предупреждает страстная поборница европейской культуры Ориана Фаллачи, обвиняя политкорректную Европу в пособничестве исламу, целенаправленная экспансия которого, пишет она, уже сегодня превращает Европу в «Евроарабию».

Полный диагноз политкорректности, включающий и анамнез этого новоевропейского феномена, принадлежит выдающемуся русскому мыслителю Сергею Аверинцеву. У людей, знакомых с советским опытом, писал он, *political correctness* вызывает особое недоверие. «В наихудшие времена позднесталинского антисемитизма, когда уничтожалась еврейская элита, - приводит он объяснительную аналогию, - на так называемых политинформациях слушателям официально, но тайно сообщались дичайшие версии, вплоть до «кровавого навета» об употреблении евреями крови детей, и готовились действия, сравнимые по масштабам с Шoa, - советская пресса оставалась безукоризненной в части *political correctness*, не помяная ни евреев, ни тем более «жидов», а ведя речь лишь о «презренных космополитах».⁵⁶

Сегодняшний либерализм становится, по словам Аверинцева, мало либеральным, слишком нечувствительным ко всему тому, что не укладывается в массово доступные лозунги. Его поразила демонстрация в Вене - «никоим образом не пронацистская, напротив, целиком «левая», посвященная арабо-израильским конфликтам; юноши и девушки маршировали под простенький ритм бесконечно повторяемого выкрика: «Eins, zwei, drei - Palästina frei». И это, пишет он, при необходимости понять всю сложность и многомерность приносящего невероятные страдания обеим сторонам конфликта. Русского мыслителя ужасает молодежь, выросшая в условиях, далеких от тоталитаризма, которая, казалось бы, так много слышала о несправедливости именно по отношению к евреям, молодежь, которая обнаруживает «готовность с полным доверием без малейшего чувства личной ответственности подхватывать и выкрикивать подсказанные им упрощенные до неузнаваемости истины, такие, какими в свое время широко пользовались тоталитарные системы, создавая и *Hitlerjugend*, и комсомол.» Недаром, считает Аверинцев, Булгаков устами героя повести «Собачье сердце» высказал опасение, что беды нового времени проистекают от чрезмерной склонности «петь хором».

---

⁵⁶ Аверинцев С. Преодоление тоталитаризма как проблема: опыт ориентации. Новый мир, 2001, № 9.

“Перестала ли эта склонность быть небезопасной после конца классического тоталитаризма?” Нисколько, отвечает Аверинцев, ибо она не зависит от меняющихся вербальных наполнений. Не составляет особого труда найти словесное обличение подготавливаемых для хорового исполнения лозунгов, внешне радикально отличающихся от уже знакомых нам тоталитаристских призывов. И потому, предупреждает Аверинцев, вряд ли можно заранее соорудить плотину против “округлых, добропорядочных, повторяемых хоромформул, построенных на казуистике political correctness и подобного строительного материала.”

Из идентичного “стройматериала” соорудился послесталинский “неоантифашизм”, заимствованный исламизмом и подхваченный левоэкстремистскими, а затем и леволиберальными кругами Запада.

Стоит, однако, принять во внимание, что при общей антиссионистской платформе, построенной на отождествлении сионизма с нацизмом, между этими двумя реинкарнациями советизма существуют принципиальные различия. Исламизм функционирует как цельная дуалистическая мессианская идеология, в которой постулируется священная миссия по исламистскому переустройству мира (свой “позитив”, своя апологетика), и в этом вдохновляющем контекст епровозглашается священная борьба на уничтожение с антиподом и антагонистом исламизированного мессии (свой “негатив”). Именно в таком качестве фигурирует устремленный к мировому господству “сионист”, он же полномочный представитель ненавистного Запада, наиболее полным воплощением которого исламисты считают США.

Во исполнение священной миссии в мире исламизма мобилизуются элиты - политические и интеллектуальные, реорганизуются образовательные (от детских садов до вузов), религиозные, просветительские и пропагандистские системы, направляется и интенсифицируется деятельность масс-медиа. Не только мусульманских. /На совещании министров информации арабских стран, состоявшемся в июне 2002 года, было решено выделить 22,5 миллиона долларов на антиизраильскую пропаганду. 70% этой суммы предназначалось для мероприятий по воздействию на общественное мнение в Европе и США./ Во имя реализации великой миссии культивируется террор, в особенности суицидальный как наиболее эффективное средство достижения вдохновляющих целей, разрабатывается целая “культура смерти”, нацеленная на массовую подготовку (идеологическую, психологическую, религиозную) шахидов, создается глобальная сеть террора, формируются подпитывающие ее финансовые сети - нередко под опекой государственных структур. Этим вдохновляющим “во имя” объясняется мобилизационный успех идеологов и организаторов террора и безоглядный фанатизм его исполнителей. Это мессианское “во имя” и есть то, что принципиально отличает идеологию и практику исламизма от самого образа мысли и действия приговоренного им к уничтожению Запада.

Понятно, ничего похожего на мессианское “во имя” в современном западном мире, дорогой ценой изживавшего свои убийственные мессианизмы, сегодня не существует, по крайней мере в социально значимых масштабах. Заодно нет и иного объединяющего “во имя” - того, что могло бы мобилизовать этот мир на активное противостояние агрессивному исламу и его террору, подрывающему сами основы демократического общества. Это относится прежде всего к Западной Европе, но не только к ней.

Заключения интеллектуалов, оценивших 11 сентября 2001 года, а теперь и 11 марта 2004 года как угрозу самому существованию западного мира, не стали повсеместным руководством к политическим и другого рода наступательным действиям, не превратились в лейтмотив западных масс-медиа, не стали достоянием и тем более доминантой массового сознания. Однако лишь общее (от интеллектуалов до масс-медиа, от политиков до их электоратов) осознание реальной опасности, угрожающей самому существованию западной цивилизации, могло бы стать тем мобилизационным “во имя”, которое позволило бы Западу противопоставить нечто соразмерное мобилизационной готовности, организованности и идеологическому напору исламизма.

Но при реальной слабосильности своего “во имя” Запад (точнее, его политкорректная леволиберальная составляющая) ослабляет себя пособничеством исламу двояким образом. Во-первых, следуя принципам политкорректности, он предоставляет полный простор исламистской апологетике, прославлению ценностей исламистского образа жизни, желанности грядущего исламистского будущего всего человечества. Все это способствует усилению изоляции - не только добровольной, но и агрессивной - быстро растущих общин мусульманских иммигрантов, ведет к своеобразной трансформации третьего мира в пятые колонны внутри принимающих этих иммигрантов стран.

Если в части исламистской апологетики ущерб наносится политкорректным “непротивлением злу насилием”, то на втором направлении - “священной войны с Большим и Малым дьяволами” Запад идет на самогубительное активное пособничество исламу. Европейский антиамериканизм (политический, “зеленый”, антиглобалистский), разумеется, иного происхождения и иной пробы, чем исламистский, но, резонируя с ним, он укрепляет исламизм, террористическое острие которого в первую очередь (теперь уже очевидно, что только в первую!) направлено на Америку.

Наибольший разрушительно-резонансный эффект достигается переключкой исламистского антиизраилизма (“неоантифашизма”) с европейским того же смысла и того же происхождения. Оба эти парасоветские порождения таят в себе те же опасности, что и советская их прародительница, под псевдогуманистическим покровом которой погребены миллионы жертв.

Что нового в доктринальном антисемитизме XXI века?

Сохраняя общие черты и преемственные связи с антисемитскими идеологиями XX века, доктринальный антисемитизм наступившего столетия отличается важными новыми особенностями.

Он в неразрывной связке с антиамериканизмом и шире - с антизападничеством - становится интегральной частью мессианского исламизма, претендующего на насильственный, с помощью террора, передел мира.

Его эпицентр перемещается из Европы в арабо-мусульманский мир.

«Антиизраилизм», то есть препарированный советский антисионизм, становится «несущей конструкцией» доктринального исламистского антисемитизма, одновременно использующего арсеналы «классического» и нацистского антисемитизма.

Тот же и того же советского происхождения антиизраилизм отличает современный западный антисемитизм. Если в прошлом веке доктринальный европейский антисемитизм был интегральной частью «собственной» убийственно-мессианской идеологии - нацизма, то в новом веке европейский политкорректный антисемитизм носит эпигонский характер и становится проявлением дегенеративно-самоубийственных тенденций в западном обществе. Исповедуя антиизраилизм, леволлибералы, по существу, поддерживают интегральную часть исламистских идеологий, освящающих террористическую войну со всем Западом.

Главными носителями западного антиизраилизма являются политкорректные леволлиберальные круги и проживающие в западных странах многомиллионные мусульманские общины.

Носителями «классического» антисемитизма в западных странах являются преимущественно праворадикальные и неонацистские группировки и те же мусульманские общины. Антииммиграционные установки некоторых праворадикальных политиков сопровождаются признанием Израиля и его борьбы с арабским террором.

Политика и пропаганда антиизраилизма превращает западных его носителей в союзников нацеленного на насильственный передел западного мира исламизма.

Ревизия Катастрофы, реализуемая неонацистами и исламистами, с одной стороны, с другой - отождествление сионизма с нацизмом, используемое некоторыми кругами в Европе для освобождения от ответственности за Катастрофу, становится общей платформой для антисемитов разных политических ориентаций. Таким образом, антисемитизм в XXI веке, объединяя правые и исламистские с левыми происламистскими кругами, обретает несравнимо более широкий социальный спектр, нежели антисемитизм прошлого века.

Антисемитизм в XXI веке приобретает глобальный характер, чему в немалой степени способствует глобализация мусульманской диаспоры и создание всемирного интернета.

Доктринальный антисемитизм прошлого века, превращенный в нацистской и советской идеократиях в государственный, не встречал достаточно организованного сопротивления ни внутри тоталитарных государств, ни извне. Существование государства Израиль значительно меняет ситуацию. Противодействие антисемитизму может, наконец, выйти за пределы морализаторства и «юдофилии» – с возникновением еврейского государства появляется возможность вести с антисемитизмом более масштабную и результативную борьбу.